
А. В. НИКИТИНА, М. В. РЕЙЛИ

БАБА-ЯГА В СКАЗКАХ РУССКОГО СЕВЕРА

С тех самых пор как начались исследования сказочных текстов, образ Бабы-Яги занимал в них особое место, и, благодаря своей неоднозначности и обилию порождаемых вопросов, сегодня, как и прежде, он не дает забыть о себе.¹ В одной из последних отечественных работ о Яге, небольшой статье К. В. Чистова, напечатанной в «Живой старине» в 1997 г., отмечено, что и в настоящее время остаются не раскрытыми в полной мере такие проблемы, как генезис, мифологическая природа, функции и семантика этого персонажа, ибо в сказке они весьма сложны и потому вызывают постоянные дискуссии. В статье прозвучал также совершенно оправданный, на наш взгляд, призыв вновь обратиться к первооснове, т. е. к самим сказочным текстам, и, «преодолевая рутинные стереотипы, а отчасти и модные увлечения, попытаться выяснить, что действительно есть в сказках о Бабе Яге».² По сути дела, здесь сформулирована цель предпринятой нами работы — анализ специфики исследуемого образа по существующим текстам. Осталось лишь обозначить границы, так как материал предполагает продолжение исследований, выходящее за рамки севернорусской, собственно русской или восточнославянской традиций, с привлечением к анализу западнославянских и западноевропейских параллелей. Именно с учетом такой перспективы сложилась структура данной статьи, поскольку в ней, в частности, была активно задействована анкета,³ разработанная сотрудниками Института балканистики и славяноведения для определения и сопоставления славянских мифологических персонажей.

В качестве рабочего материала взяты тексты волшебных сказок Русского Севера (регион Архангельской, Вологодской, Мурманской и Олонецкой губерний). Привлечение текстов, не относящихся к волшебной сказке, принадлежащих к иной культурной традиции или к иным фольклорным жанрам, мотивировано прежде всего интерпретацией полученных данных и направлено на более полное и разностороннее раскрытие образа. В каждом отдельном случае такое привлечение оговаривается и соответствующим образом оформляется, чтобы исключить возможность смешения внешней дополнительной информации с принятым к работе исходным сказочным материалом.

---

¹ Бабе-Яге посвящены отдельные научные статьи (А. И. Никифоров, К. Д. Лаушкин, В. В. Иванов, В. Н. Топоров), разделы и главы в различных исследованиях (Н. В. Новиков, И. А. Разумова, О. М. Черепанова, Т. А. Новичкова), монографии (А. Н. Малаховская). О неоднозначности и характерности этого образа в восточнославянской сказочной традиции писали А. Н. Афанасьев, В. Я. Пропп, А. А. Потебня, П. П. Чубинский, Д. К. Зеленин и др. Некоторые исследователи даже утверждали, будто редкая волшебная сказка обходится без упоминания в ней Бабы-Яги (Аникин В. П. Русская народная сказка. М., 1959. С. 128—129), что безусловно является преувеличением.

² Чистов К. В. Баба Яга: Заметки по славянской демонологии // Живая старина. 1997. № 2. С. 55.

³ Информацию о самой разработке и демонстрацию ее применения см.: Виноградова Л. Н., Толстая С. М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 16—42.

Таблица 1*

Сборник (как правило, по составителю)	Положительные характеристики БЯ	Отрицательные характеристики БЯ	Итоговое соотношение 47 / 47
Афанасьев	128, 157, 174, 178, 235	101, 283, 313	5 / 3
Балашов	1, 7, 27, 33, 43, 57, 59, 65, 88	22, 46, 105	9 / 3
Вологодские сказки	11, 33	18, 21	2 / 2
Гура	16, 17	—	2 / —
Карельские сказки	6, 7, 9	14, 15, 16	3 / 3
Карнаухова	14, 46	64, 74, 69, 85, 87, 141	2 / 6
Коргуев	7, 9, 10	—	3 / —
Никифоров	41, 49, 51, 63, 66, 86, 131	64, 80, 85	7 / 3
Ончуков	8, 167	4, 27, 34, 38, 44, 71, 73, 108, 128, 152, 178, 218, 241, 278	2 / 14
Разумова	12, 35, 57, 69	11, 20, 59	4 / 3
Рождественская	38	9	1 / 1
Сими́на	11	8, 37, 45	1 / 3
Смирнов	1, 26, 35	40, 41, 42, 43	3 / 4
Соколовы	55, 66, 139	140, 143	3 / 2

* В таблице указываются номера текстов.

Источниками текстов послужили известные сборники русских народных сказок (список — в конце статьи). Из 15 указанных сборников были отобраны для анализа 94 сказочных текста, которые при условном разделении характеристик персонажа⁴ на *положительную* Бабу-Ягу (БЯ) (помощницу, дарительницу и т. д.) и *отрицательную* Бабу-Ягу (похитительницу, ведьму, воительницу и т. д.) распределились, как показано в табл. 1.

Данные тексты могут, как нам кажется, дать ответы на остающиеся до сих пор спорными вопросы, позволят взглянуть на несколько «затертый» образ по-новому и откорректировать, к примеру, традиционное представление о том, из каких характеристик он складывался; какие черты в нем можно определить как базовые, а какие считать заимствованными или приобретенными в результате многих трансформаций; что носит развлекательный характер, а что действительно является важным для понимания специфики персонажа; насколько глубокими могут считаться обозначившиеся в процессе работы связи функциональных особенностей Бабы-Яги в сказке с древними мифологическими представлениями.

⁴ Предложенное В. Я. Проппом функциональное разложение персонажа на три основных типа — дарительницу, похитительницу и воительницу, мы вслед за Н. В. Новиковым сводим к двум — Бабе-Яге положительной и Бабе-Яге отрицательной, объединив таким образом воительницу с похитительницей. Понятно, что подобное объединение может быть проведено лишь условно, так как разница между этими типами весьма существенна, но так или иначе действия обоих объединенных типов направлены против главного героя и характеризуют Ягу как его антагонистку. Такое объединение может быть оправдано и тем, что текстов, в которых Баба-Яга выказывала бы себя воительницей, в севернорусской сказочной традиции оказалось очень мало. Разумеется, нами учитывалась и так называемая противоречивость образа Яги, т. е. то, что в разных вариантах сказок на один сюжет Баба-Яга может проявлять себя и как отрицательный, и как положительный персонаж, а также и то, что существуют сказки, где одновременно функционируют оба типа.

Еще в «Морфологии сказки» В. Я. Пропп настаивал на постоянстве функций сказочного персонажа и предлагал рассматривать его прежде всего как пучок функций, считая формы и атрибуты персонажа величинами переменными.⁵ Однако возможно ли, чтобы формы и атрибуты какого-то персонажа сложились в некий устоявшийся «набор», который сам по себе, вне зависимости от функций, стал бы его характеристикой? Разумеется, такой «набор» не являлся бы универсальным для всех сюжетов с этим персонажем, но все же он был бы типичным для целого ряда сюжетов, где персонаж проявлял себя в едином ключе. И разве не входил бы такой «набор» как важная составляющая в семантическую характеристику персонажа наряду с его функциональными особенностями? Ведь то, как действует персонаж, во многом зависит от того, что он собой представляет. Поэтому предлагаемую статью следует расценивать как попытку рассмотреть и учесть, насколько это возможно, не только специфические действия Бабы-Яги, но и все то, что может оказаться полезным для максимально полного раскрытия семантики этого персонажа: его семейный и социальный статус, локализация, атрибутика, находящиеся в контакте с ним живые и неживые объекты, отношения с другими персонажами, пространственно-временные связи, речевые стереотипные формулы и т. д.

БАБА-ЯГА — ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ

В «Образх восточнославянской волшебной сказки» Н. В. Новиков разложил образ отрицательной Бабы-Яги по шести основным типам:

1. воительница,
2. мстительница,
3. обладательница чудесных (одушевленных и неодушевленных) предметов,
4. злая чаровница,
5. коварная доброжелательница, злая советчица и разлучница,
6. похитительница детей.

Эти типы, выделенные по общим данным восточнославянской сказочной традиции, были приняты нами в качестве базовых, однако с учетом специфики традиции исследуемого региона некоторые из них потребовали коррекции и дали составляющие, если не меняющие, то безусловно существенно дополняющие и раскрывающие «спектр» образа более полно.

Названия, интерпретации имени Бабы-Яги

Все названия Бабы-Яги, извлеченные из текстов,⁶ в которых она проявляет себя как отрицательный персонаж, были введены в табл. 2 и разбиты по четырем (согласно месту фиксации текста) губерниям/областям Русского Севера. По данным табл. 2 можно судить о том: а) какие именно наименования персонажа следует считать характерными для той или иной местной традиции; б) какое название является наиболее часто употребляемым как локально, так и в целом по исследуемому региону; в) какие формы и варианты имени могут считаться отражающими основные черты семантики персонажа, и т. д.

⁵ Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1969. С. 79.

⁶ Для анализа отбирались только те сказочные тексты, в которых фигурировало название *Яга* (с допущением различных его вариантов), несмотря на полное наше согласие с замечанием В. Я. Проппа о том, что «часто ягой названы персонажи совсем иных категорий — например, мачеха», в то время как «типичная яга названа просто старушкой, бабушкой-задворенкой и т. д.» (Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 52). Решение взять название в качестве решающего маркера позволило сосредоточить внимание только на исследуемом образе и существенно сократить количество рассматриваемых текстов.

Таблица 2

Архангельская	Вологодская	Мурманская	Бывш. Олонецкая
<i>Ягишина</i> (Аф., 101) — наименование не дочери, но самой БЯ	—	<i>Ягишина</i> [вар. — <i>Яга</i>] (Б., 105)	<i>Яицйна-Бабицйна</i> (КС, 14, 15, 16)
<i>Яга-баба</i> (Аф., 284; Онч., 4, 71, 73; Крн., 64)	—	—	<i>Яженя</i> (Раз., 11)
<i>Ягой-баба</i> [вар. — <i>Егая-баба</i>] (Онч., 278)	<i>Яга-баба</i> (Смр., 41, 42, 43; ВС, 21)	<i>Яга-баба</i> (Б., 22, 46)	<i>Яга-баба</i> (Раз., 59)
<i>Егабова</i> (Нкф., 64, 80; Сим., 37), [вар. — <i>Егибова</i> (Крн., 69), <i>Егибова</i> (Крн., 74, 85, 87), <i>Ягабова</i> (Сим., 45)]	—	—	<i>Ягивовна</i> (Онч., 178)
<i>Баба-Яга</i> (Онч., 71, 73, 241; Ржд., 9; Сим., 8, 45; Крн., 141)	<i>Баба-Яга</i> (Сок., 140, 143; Смр., 40, 43)	—	<i>Баба-Яга</i> (Раз., 20), <i>баба Яга</i> [вар. — <i>Яга</i>] (Онч., 152)
<i>Баба-Ягаба</i> [вар. — <i>баба-Ягабиха</i>] (Онч., 34), <i>старуха Егабиха</i> , [вар. — <i>баба Ягабиха</i> , <i>Ягабиха</i> , <i>Егабиха</i>] (Онч., 27), <i>Ягабиха</i> (Онч., 44)	—	—	<i>Егибиха</i> (Онч., 128, 218)
<i>женищина Баба Яга</i> (Раз., 20), <i>старая старушка</i> , <i>бабка</i> (Крн., 141), <i>старуха</i> (Онч., 38, 73, там же постоянный эпитет <i>старая</i>)	—	<i>старуха</i> [доп. — <i>стара-стара</i>] (Б., 22)	<i>баба</i> [как вар.] (Онч., 152)
—	—	<i>змеевка</i> (летающая) (Б., 22)	<i>волшебница</i> (Сим., 45)

В целом по региону, как показывает табл. 2, преобладают именные формы — 45 из 52 названий Бабы-Яги (в некоторых текстах используются разные варианты именования). Поскольку значительная часть текстов относится к Архангельской обл. — 25, соответственно там и наблюдается наибольшее число вариантов именных форм названия (*Яга-баба* + различные производные) — 23.

Название *Яга-баба* зафиксировано в 12 из рассмотренных текстов, с различной частотой оно встречается в текстах всех четырех областей: Арх. — 5, Волог. — 4, Мурман. — 2, Олон. — 1. При сравнении с 14 отмеченными фиксациями (Арх. — 8, Волог. — 4, Мурман. — 0, Олон. — 2) названия *Баба-Яга*, которое принято считать каноническим, можно говорить о наблюдающемся на первый взгляд незначительном предпочтении второго названия первому. Однако с учетом зафиксированных от названия *Яга* производных (20) *Баба-Яга* явно уступает *Яге-бабе* по частоте использования.

Вынесенная вперед часть названия *Яга-* усиливает смысловой акцент на качественную природу персонажа (ср.: меч-кладенец, конь-баба, булат-молодец). И если согласиться с предложенным некоторыми учеными выводом о выведении природы *Яги* от Змея/Ящера,⁷ то в этом случае приставная часть названия *-баба* лишь

⁷ Попытки раскрыть этимологическую основу элемента *Яга* в имени Бабы-Яги уже неоднократно приводили исследователей к идее о существовании семантической и этимологиче-

указывает на принадлежность персонажа к женскому полу — перед нами Змей с женской сущностью (ср. с встретившимся в одном из мурманских текстов названием *змеевка* (Б., 22)).

Оба варианта производного от *Баба-Яга* названия — *баба-Ягаба* и *баба-Ягабиха* встретились в единственном тексте из Архангельской обл. (Онч., 34). Трансформация *-Яги* в *-Ягабу* и в *-Ягабиху* проходила, скорее всего, без взаимной связи и без просматривающейся последовательности. Вариант *-Ягаба*, видимо, возник в результате звуковой игры (по созвучию *баба* — *Яга(ба)*), а *-Ягабиха* — благодаря суффиксу *-их-*, характерному для образования бытовых женских именных форм (прозвища, родовые названия: сватья *баба-Бабариха*, Мишиха, Солдиха и т. д.).

С названием *Яга-баба*, судя по всему, связаны узколокальные названия (*Ягой-баба* [с вариантом, отмеченным в том же тексте, — *Егая-баба*] и *Еги-баба*), так как встречаются они только в двух текстах из Архангельской (Онч., 283) и Вологодской обл. (ВС, 18). Чередование начальных гласных *я/-е-* в корне *-яг/-яж-* в связи с поиском этимологии имени *Яга* уже не раз рассматривалось в самых разных работах и в целом сводилось к древнерусской форме *ѣза* с исходным, характерным для общеславянского начальным *je*.⁸ Что касается флексий *-ой/-ая*, они присущи прилагательным и, следовательно, вполне могут подчеркивать «качественность», исходную природу персонажа. Это вполне согласуется с изложенной в словаре Г. П. Цыганенко версией этимологии имени *Баба-Яга*: «Само ее имя 'Яга' — это краткая форма прилагательного *ягая*, т. е. *опасная, злая, лихая*».⁹ Добавим, что связь имени *Яга*, правда, не с прилагательным *'ягая'*, но с глаголом *'ягать'* (т. е. злиться, бушевать, страшно кричать) усматривал и В. И. Даль.¹⁰ Флексия *-ой* наряду с *-ых/-их* и *-го/-во/-ко* (род. пад. именных форм ед. или мн. ч.), отражая признак или принадлежность, служила при образовании исконных русских фамилий: Толстой, Благой, Лихой, Черных, Сухих, Косых, Дурново, Живаго, Плевако и т. д. Возможно, что по сути наиболее близким к форме *Ягой(-баба)* оказывается узколокальное севернорусское наименование лешего — *Мотыгой* (правда, без добавления к нему уточняющего *-дед* или *-мужик*). *Еги-* на этом фоне воспринимается как чистая, неотягощенная суффиксально или флексивно основа.

С этой основой, без сомнения, связан еще один тип именных форм названия *Бабы-Яги* — *Егабова*, варианты *Ягабова*, *Егибова* и даже *Егибовна*, *Ягивовна* — всего 9 фиксаций главным образом в текстах из Архангельской обл. (Ник., 64, 80; Сим., 37, 45; Крн., 69, 74, 85, 87) и единственный из бывшей Олонецкой губ. (Онч., 178). Варианты *Егибовна*, *Ягивовна* опять возвращают к образованию традиционных женских родовых форм имени по отцу (с суффиксом *-овн-*): Макаровна, Ивановна, Егоровна и т. д. Соответственно варианты *Егабова*, *Ягабова* и *Егибова*, образованные с одним суффиксом *-ов-*, представляются аналогом стандартного образования более древней формы отчества, как: *Иванова* (дочь) = дочь *Ивана* и т. д.

ской связи *Яги* со змееподобными существами. Этот генеалогический вопрос в той или иной степени занимал А. Н. Афанасьева, В. Я. Проппа, В. Н. Топорова, К. Д. Лаушкина, О. А. Черепанову, но так и остается открытым. К. Д. Лаушкин, рассматривая одноногость *Яги* как одну из переходных стадий антропоморфизации териоморфного, а именно змееобразного, мифологического существа, привлек, хоть и с оговорками, трактовку «змейных корней» имени *Бабы-Яги* как подтверждающую змеиную природу самого персонажа: «В имени *Яга* также скорее всего отразилась ее змеиная природа. Хотя этимология этого слова вызывает споры, наиболее близким представляется мнение, что „Яга“ происходит от санскритского 'Ahi' — змей» (Лаушкин К. Д. *Баба Яга и одноногие боги: (К вопросу о происхождении образа)* // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 186).

⁸ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1—2. С. 465.

⁹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970. С. 562.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. 4. С. 672.

Еще одно узколокальное, фиксируемое исключительно в олонечких текстах название *Яицна-Бабицна* — 3 (КС, 14, 15, 16), возможно, следует воспринимать как элемент звукописной игры, весьма характерной для народной речи: тень-потетень, кисанька-мурьсанька, сивка-бурка вещая каурка, какой-такой немазаный-сухой и т. п. Тем более что специфика звучания в данном случае обусловлена локальной фонетической нормой — цоканьем, в отсутствие которого название звучало бы как *Я[з]ична-Бабична*, что в принципе уже недалеко от *Ягишны* или *Ягишни*.

Малораспространенным и редко встречающимся оказывается зафиксированное в Архангельской обл. название *Ягишна* (Аф., 101) [мурманский вариант — *Ягишня*, с параллельно используемым в том же тексте традиционным *Яга* (Б., 105)]. Суффикс *-н-* может указывать здесь на родовую принадлежность персонажа по его происхождению (так, как это следует, например, из отчеств «Ильинична, Кузьминична», произносимых согласно речевой, разговорной традиции «Ильинишна, Кузьминишна») или, как вариант, — на сословную принадлежность, но опять же по отцу (ср.: князь—княжна, царь—царевна), и тогда название *Ягишна* может трактоваться, например, как дочь Змея, если Яг(и), вернее Ег(и), — это Змей. Может это название указывать и на принадлежность роду или природе мужа по принципу *мужской/женский* [по аналогии с образованием пар из названий животного мира с корнем с мягкой основой, типа *гусь—гусыня*], такие как: Злыдень—Злыдня, Перун—Перыня, бог—богиня, в том числе и пары по социальному статусу: князь—княгиня, раб—рабыня, монах—монахиня и т. д. И тогда Яга, называясь Ягишной, оказывается женой Змея или же опять змеевкой, Змеем с женской сущностью.

Суффикс *-н-* может указывать не только на родственную или родовую принадлежность, но и на принадлежность субъекта к месту (см.: берег—берегиня, что вполне увязывается, например, с южнославянскими наименованиями сказочных и мифологических героев: так, болгарские и сербские (за)лесные и горные вилы имеют названия *(за)горкиня* и *планинкиня*), и даже на соотнесенность, если можно так сказать, личного субъекта с исходным объектом, например: яблоня (с яблоком) и т. д. Однако в случае с *Ягой* подобная соотнесенность названия с местом или объектом, судя по всему, всерьез рассматриваться не может.

Неясно, насколько можно соотнести встретившееся лишь единожды в тексте из Олонечкой губ. название *Яжесна с Ягишной и Ягишней?*¹¹ Скорее всего, это название придется оставить в стороне на время работы только с севернорусской традицией, так как имеющейся информации явно недостаточно.

Среди встретившихся в текстах единичных не именных форм названий особое внимание привлекает именование Бабы-Яги *змеевкой* (Б., 22 — Мурм.),

¹¹ Имя такого сказочного персонажа, как Баба-Яга, в сущности, должно восприниматься как говорящее, поскольку за ним должна стоять суть персонажа, то, что он собой представляет. Следовательно, во всех формах названия Яги должно быть нечто общее, объединяющее, и это нечто и должно быть главным в этом персонаже, ибо, как писал С. Ю. Неклюдов, «природа персонажа в ее этически неоднозначных проявлениях определяет его имя, заменяющее внешнее описание, и это имя становится семантически чрезвычайно значимым. Узловые семантические характеристики, заложенные в названии, могут быть явными или существовать в виде его „внутренней формы“, то есть либо в виде скрытых и не выраженных непосредственно смысловых свойств, либо в виде признаков, проявляющихся лишь в процессе разного сюжетного функционирования» (Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в литературном повествовательном искусстве: Ранние формы искусства. М., 1972. С. 200).

Опираясь на сказанное, можно пойти дальше и, как предлагала Е. С. Новик, рассматривать персонажей как персонафикацию определенных свойств и состояний: «Значимость имени персонажа и, следовательно, его метафорической сущности разворачивается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает» (Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору М., 1975. С. 217, со сноской на «Поэтику сюжета и жанра» О. Фрайденберг).

причем по косвенным признакам (в частности, из описания того, как воспринимается окружающими родная дочь Яги, которую та ведет к венцу) очевидными становятся ее собственные змеиные черты: «...шаг шагнет — трава повянет, засмеется — как змея, вид змеиный». Кроме того, Яга в данном случае оказывается змеей летучей: «...эта змеевка полетела и разбилась». Иных указаний на змеиную сущность Бабы-Яги более не встретилось ни в одном из 47 рассматривавшихся текстов, где она проявляет себя как отрицательный персонаж.

В том же мурманском тексте (Б., 22) наряду с названием *змеевка* встречается название *старуха*, а также подчеркивается, что она *стара-стара*. Похожие названия — *старая старушка*, *старуха*, *бабка*, *баба*, подчеркивающие соотнесенность Бабы-Яги со старшей возрастной группой, были зафиксированы также в трех архангельских текстах (Крн., 141; Онч., 38, 73, в последнем отмечен постоянный эпитет *старая*) и в одном олонекском (Онч., 152). В еще одном тексте из Архангельской обл. встретилось название *женщина* с последующим к нему уточнением — «а это Баба Яга» (Раз., 20).

И наконец, в тексте из Олонецкой губ. (Сим., 45) дается название *волшебница*, что явно нехарактерно для текстов с отрицательной Бабой-Ягой, так как волшебница, которая обычно представляется «молодой» и по сути должна быть включена в круг положительных персонажей, противопоставляется «старой» и злой Яге, скорее колдунье или ведьме, чем чаровнице и волшебнице.¹²

Ипостаси и возраст Бабы-Яги

Фактически все рассмотренные тексты дают представление о Бабе-Яге как о «существе женского пола старшего поколения». Возрастные границы образа выглядят вполне статичными — Баба-Яга в большинстве текстов должна быть отнесена именно к старшей возрастной группе, на что указывает следующее.

1. Предполагающееся давнее вдовство Бабы-Яги.

В одних текстах (Аф., 284; Онч., 4, 38, 71, 73, 241, 278; Сим., 8; Крн., 64, 74 — Арх.; Б., 105 — Мурм.; Сок., 143 — Волог.; КС, 14 — Олон.) муж Яги отсутствует и даже не упоминается, но у нее имеются взрослые дети: сын/сыновья или дочери (одна, две или три).¹³

В других (Смр., 41, 42 — Волог.; Крн., 69 — Арх.) — у нее статус вышедшей замуж женщины с ребенком, причем ребенок — взрослая дочь (или дочери); и замужем Баба-Яга оказывается за вдовцом, у которого также есть взрослая дочь от первого брака (к тому же в текстах он, как правило, напрямую именуется стариком).

Вдовство, с одной стороны, автоматически относит субъекта к старшему поколению, с другой — оно воспринимается как показатель неполноты семейного статуса — жена, оставшаяся без мужа; как известно из народных представлений, делая попытку вернуться к норме, вдовец («вдовец — детям не отец, сам круглый сирота») и особенно вдова (!) полностью теряют статус «своего» по отношению к детям от первого брака, становятся для них «чужими»: «Жил досюль старик да старуха, у их доци была, старуха померла, старик женился на другой... нелюбить доцери этой стал...» (Онч., 108 — Олон.). А находясь в статусе мачехи, Баба-Яга по отношению к падчерице оказывается представителем «чужого», «иноного» мира, но в рамках семьи, т. е. мира «своего». Это смешение «своего» и «чужого» мотивирует попытки мачехи извести неродную дочь, так как «чужой» по отношению к герою всегда выступает в ка-

¹² Новик Е. С. Система персонажей... С. 223—224.

¹³ Обращает на себя внимание почти обязательная аномальность «детей» Бабы-Яги: сын «о семи горлах» (Онч., 71 — Арх.) — семиглавый змей (?), а у дочерей в большинстве случаев (у двух из трех) наблюдаются отклонения со зрением — либо недостаточность (одноглазка), либо избыточность (трехглазка), что по сути является нарушением нормы и свидетельствует об их принадлежности «чужому», «иному» миру.

честве антагониста и вредителя, что отчасти объясняет открытость, незащищенность падчерицы перед мачехой.¹⁴ Подчеркнем также, что текстов, в которых мачеха изводит падчерицу, несоизмеримо больше, чем тех, где мачеха «воюет» с пасынком.

Встретился только один текст, в котором Баба-Яга выходит замуж, не будучи изначально вдовой (Аф., 101 — Арх.). Дочери, которых она рождает в этом браке, оказываются таким образом единокровными сестрами падчерице,¹⁵ но дальнейшее развитие сюжета идет по типичной для мотива «мачеха изводит падчерицу» схеме.

2. Неоднократное и успешно реализующееся намерение Бабы-Яги выступить в роли повитухи.

Только в двух текстах из 9 на этот сюжет (Сим., 8, 37; Крн., 69; Аф., 284 — Арх.; Смр., 41 — Волог.; Б., 46 — Мурм.; Раз., 11; Онч., 128; КС, 14 — Олон.) Баба-Яга насильно, сломив нежелание героя (Ивана-царевича — мужа роженицы (Раз., 11), а во втором случае гонца, посланного за повитухой (Аф., 284)), отправляется «бабить». В прочих случаях предполагается, что она имеет право выполнять эту роль, например: «...попадаэтца Егбиха встрету. „Куды, старик, пошол?“ — „Бабки искать“. — „А возьми меня“. — „А поди, старуха, все равно“...» (Онч., 128). И если это так, то такое право привносит во внешние и в статусные характеристики образа Яги совершенно определенный набор весьма специфических черт. Известно, что на Русском Севере вплоть до недавнего времени сохранялось особое отношение к статусу повивальной бабки. Ею не могла быть молодая женщина, не говоря уже о девушках; более того, среди оставшейся группы женщин предпочтение традиционно отдавалось «чистым вдовам», т. е. женщинам в возрасте, которые:

во-первых, состояли прежде в браке, но похоронили мужа и с тех пор не вступали в интимные отношения с мужчинами, «вдовели чисто»;

во-вторых, обладали собственным родительским опытом, а значит, родили и вырастили своих детей, причем обращалось внимание на то, чтобы рожден и выращен был не один ребенок (опыт должен быть основательным) и чтобы не было мертворожденных или умерших во время родов, что в противном случае могло спровоцировать смерть принимаемых такой повитухой младенцев;

в-третьих, перестали «носить крови», т. е. считалось, что их продуцирующий период уже завершился;

в-четвертых, с учетом всего перечисленного, оставались активными и крепкими, поскольку от одряхлевшей повитухи, когда она сама находится на грани

¹⁴ См. об этом: Новик Е. С. Система персонажей... С. 241, 245.

¹⁵ Единокровие сестер, казалось бы, могло повлиять на изменение внутри сестринских отношений, тем более что в этом тексте дочери Яги оказываются младшими по отношению к падчерице и не имеют перед ней закрепленного в традиционном народном сознании права первенства (старшинства) в ситуации, когда одну из родных сестер выбирают в невесты, — через сног, как известно, не молотят. Но если при таком условии в реальной ситуации причина для агрессии в отношении старшей сестрицы, мешающей младшим, отсутствует, то в ситуации сказочной обычная бытовая мотивировка не срабатывает — падчерица есть падчерица, и материнская ведьмовская кровь оказывается сильнее родной крови сводной сестрицы; они все равно по отношению к ней «чужие» и проявляют себя соответственно.

Кроме того, явная уязвимость падчерицы, сироты (а сиротство — это та же неполнота в семейном статусе героя, ущербность), судя по всему, является сильно провоцирующим моментом для мачехи и ее родных дочерей. Ведь падчерица, будучи персонажем женского рода, как правило, оказывается в ущербном положении именно по женской линии «своего» рода. А мачеха с ее дочерьми (а в некоторых сказках, кстати, с сестрами-ведьмами или напрямую Ягами, т. е. «своей» родней по женской линии) является для падчерицы попыткой восполнить утраченную со смертью матери, но столь необходимую для девушки в брачном возрасте связь с женщинами рода. Однако «чужой» элемент не может стать «своим»; по закону сказочного жанра знаки никогда не меняются на противоположные, и изведение мачехой падчерицы носит закономерный характер.

перехода, не приходится ожидать деятельной помощи ни в родах, ни в обрядах адаптации, скорее, наоборот, она может нанести вред, причем не только ребенку и роженице, но и самой себе.

3. Названия для Яги, используемые другими героями.

В текстах, где Баба-Яга выступает похитительницей детей (327С: Ивашка, Митошка, Ольшанко, Лишанушка, Алексанушко и др.), похищенный, если ему доводится обращаться к ней, как правило, называет ее *бабушкой* (и даже *баушенькой* (Волог.), когда к Яге обращается девочка). Понятно, что такое название вряд ли можно считать показательным, так как в сущности оно является естественным в традиционном детском отношении к миру взрослых: старшая в доме женщина — бабушка. Но во взрослом варианте сказки на мотив похищения, например «Ивашко Кочевряжко» (Онч., 73 — Арх.), где вместо мальчика фигурирует молодец в брачном возрасте, его обращение к Яге оказывается нарочито грубым: *старая ведьма, старая кочерга, киевская ведьма* и т. п. То же можно наблюдать и в текстах на другие сюжеты, например: 403А (подмененная невеста) и 450 (брат и сестра). Там в обращении героев к Бабе-Яге также постоянно используется эпитет *старая*: *старая карга, старая кочерга, просто старая*. Фиксируется, правда не часто, и прямое именование Яги *старухой*, причем не только в речи сказочных героев, но в самом тексте, в речи рассказчика, например: «...пришла старуха стара-стара», «бабушка», «старуха» (Б., 22 — Мурм.). Причем *старая*, как правило, вовсе не означает *дряхлая*.

Только два текста, оба из Архангельской губ., дают непосредственное представление о Бабе-Яге как о воительнице. В одном из них (Онч., 34) она тяжела и могуча и, как и положено доблестной богатырке, сама находит героев, и по ее требованию те поочередно «вздымают» ее, т. е. поднимают и затаскивают сначала на порог, затем на лавку, а потом борются с ней. Двум молодцам — Горокату и Девятьпилу — первые ступени проверки даются с немалым трудом, к тому же Яга их легко «обарывает», и только третьему, Ивану-Медвежье ушко, удастся совладать с ней сначала грубым отказом выполнять ее требования, а затем быстротой реакции и силой: «...Иван-Медвежье ушко *бабу-ягабиху* схватил, да и бросил о пол, схватил меч, ударил мечем и всю разнес ей, жизни не стало ейной». Таким образом, Яга здесь и смерть принимает богатырскую — от меча. И название у нее в этом тексте — *баба-ягабиха*, представляется не случайным, так как характерные свойства Яги в этом сюжете проявляются в меньшей степени, она здесь выказывает себя именно женщиной-воительницей.

В другом тексте (Онч., 241) Баба-Яга представляет собой как бы пародию на былинных богатырок: она хозяйка «скота» в подземном царстве («на том свете»), жестоко расправляющаяся со всеми попавшими к ней чужаками, ослепляя их, тем самым иницируя их, приобщая к своему миру и подчиняя себе. Неподдающегося ей героя она пытается уничтожить, высылая на него по очереди двух своих дочерей, таких же воительниц, как она сама: «Иди, затрехни его, мошенника, что он к нам скота пригнал». Обе дочери Яги ведут себя совершенно в духе былинной эпической традиции, в манере богатырей-бавальщиков, насмешкой и грубостью провоцирующих противника на схватку. Так, младшая Ягишна, выезжая на бой, кричит: «Я те лопатишкой-то по мудишшам-то! Попался нам в кохти...», а старшая обещает сделать с героем то же самое, но только при помощи помела. И лопата, и помело являются здесь и «боевым» оружием, и тем самым транспортным средством («богатырским конем»), на котором Ягишна выезжает полевать. Сама Баба-Яга выезжает на врага на ухвате. Лопата (хлебная), помело и ухват — предметы чисто женского обихода, связанные исключительно с домашним очагом,¹⁶ и соответственно со-

¹⁶ Об особых отношениях, связывающих Бабу-Ягу с печью и теми предметами, которыми обычно «пашут» в печи, речь пойдет впереди, в том числе и о различных способах их применения. Что же касается езды верхом на упомянутых предметах, то, с одной стороны, возни-

ставляющие резкий диссонанс с настоящей мужской богатырской экипировкой.

Существует также текст, в котором Яга неожиданно оказывается обладательницей незаурядной силы и, видимо, немалых размеров, так как поднимает каждого из своих не вписывающихся в норму гостей (неучтив, ведет себя не так, как должно) на ладонь, словно пушинку, и бросает в погреб (Крн., 141 — Арх.); к тому же здесь можно говорить о том, что Баба-Яга фактически провоцирует героев, заставляя их действовать по ее собственному сценарию.¹⁷

В других текстах, в которых Яга вступает в единоборство с героями, она в большей степени проявляет себя не как воительница, но как сверхъестественное существо, грозящее гибелью всякому встречному, оказавшемуся в ее владениях, досадившему ей, как это видно, например, в сказке «Благодарный мертвец» (Онч., 152 — Олон.): «Да тут у нас в лесу волшебница живет с бабой Ягой, всех убивают, тебе тоже не миновать», или как в сказках на мотив «сестра просела» (Онч., 44, 71 — Арх.): «Что ты! Куда зашла? Здесь живет Баба-Яга, она тебя застанет здесь и съес...», или как в известной сказке «Иван Быкович» (Онч., 27 — Арх.).

Фактически по всем рассматривавшимся текстам, где Баба-Яга проявляет себя как отрицательный персонаж, заметно, насколько этот персонаж оказывается деятельным: несмотря на возраст, Ягу несомненно характеризуют повышенная активность и агрессивность. Скорее всего, это связано с тем, что она позиционируется как ведьма, причем сильная ведьма, хотя в текстах об этом впрямую почти не говорится, но легко определяется по производимым ею действиям и проявляющимся склонностям.

кает устойчивая параллель с общеевропейским образом ведьмы, вылетающей из печной трубы на помеле (именно помело, т. е. специальная метелка для выметания печного пода, служила «конем» для ведьмы, а не метла, которая ассоциировалась с уборкой мусора на полу в доме, а то и с подметанием двора). Использование для верховой езды хлебной лопаты представляется находкой рассказчика, однако абсолютно органично вписывающейся в испытанный традицией ряд: если не в сказке, то в бытовом мифологическом рассказе встречается ухват, обращенный в коня, вывозящего с шабаша незадачливого постояльца ведьмы (отсюда образ героя, отправленного с шабаша домой на каком-то предмете, временно ставшем скакуном, и вошел затем в литературу — см., к примеру, гоголевскую «Пропавшую грамоту» или пушкинского «Гусара»).

С другой стороны, возникают ассоциации с ритуальным троекратным объездом родовой территории, который предпринимали обычно женщины дома (причем в ритуале участвовали представительницы разного возраста) с целью защитить «свою» (и двор, и дом) территорию от посягательств «чужих» и для обеспечения защиты «своей роды» и «своего» домашнего скота, чтоб не пропал и не переводился.

¹⁷ В этом тексте Баба-Яга выступает в роли потенциальной тещи, так как герои заезжают на ее территорию в поисках невест, а возможные невесты — девицы-голубицы (= дочери Яги) не только пребывают при проверке женихов в качестве свидетельниц и желанного приза в случае удачи, но и разделяют печальную участь своих горе-женихов. Когда неудачники с проверкой не справляются, Яга скидывает их в погреб, а вместе с ними «за перышки» забрасываются и ненужные ей больше девицы-голубицы.

Пожалуй, здесь ярче, чем в других текстах, в которых имеет место проверка героев, Баба-Яга проявляет себя как древний иницирующий образ (см., пропповскую трактовку образа Яги): будучи потенциальной или реальной тещей, для героя она является безусловно «чужой» и, следовательно, ее действия по отношению к нему естественно враждебны. Однако жестокое отношение Бабы-Яги к девицам-голубицам выглядит необоснованным. Возможно, что в его основе лежит представление о браке, как о судьбе, назначенной богами: не сумевший «взять» свою судьбу, сбрасывался со счетов, второй попытки ему не предоставлялось, и соответственно невеста могла быть только одна (не зря же ее называли «суженая»), другой не предполагалось. Или все намного проще: жестокость Яги по отношению к девицам-голубицам, хотя бы и к собственным дочерям, следует связывать с характерным для этого персонажа отношением к объектам-помощникам (персонажам или предметам), которыми она пользуется в своих интересах (как правило, это отношение трудно назвать добрым).

1. По тяге к людоедству, которая присутствует во всех текстах на сюжет «Яга — похитительница детей» (ВС, 21; Смр., 40 — Волог.; КС, 15 — Олон.; Б., 105 — Мурм.; Крн., 74, 87; Нкф., 85, 64 — Арх.), где обычным объектом является мальчик/юноша: «Вытопи-ко завтра пожарче печь, не можем ли как Ивашку Кочевряжку изжарить»; «Сесть бы мне, присеть бы мне, посидеть бы мне да Ивашковых костей поглотать...» (Онч., 73 — Арх.); «Сыновья [Яги] пришли, печь отворили, што-ле закусывать хотят, а косье лежит. Один говорит: „То Олексанко сожжоной”. Хам, хам, хам. Думают Олексанка едят, а матерь съели» (Онч., 38 — Арх.). Реже объектом притязаний становятся девочки/девицы. Их Яга оставляет для выполнения разнообразной домашней работы (от готовки и уборки до искания в голове у отдыхающей Яги), хотя и над ними постоянно висит опасность быть съеденными: «Фу, фу, фу, русский дух! Слыхом не слыхано, видом не видано, сам на дом пришел, съем теперь!» (ВС, 18 — Волог.); «Фу-фу-фу! Русским духом пахнет. Пообедала я на свадьбе, а поужинаю дома...» (Онч., 71 — Арх.). Склонность Яги и ее детей к людоедству проявляется (не всегда очевидно и не отличаясь постоянством) и в текстах с сюжетами «подмены невесты (жены, сестры)» (403 А) и «братец и сестрица» (450): «Сына несую, сырого мяса хочю, убей козла [братца]» (Онч., 128 — Олон.), и на сюжет «бой на калиновом мосту»: «Вор-кузнец, отдай Ивана Быковича, посади на язык — зглону...» (Онч., 27 — Арх.). У девиц-красавиц она сосет молоко из груди:¹⁸ «А только ко мне ходит в поудень баба-яга, меня заставит искать в голове, а мне груди сосет» (Сок., 143 — Волог.).

2. По способности Бабы-Яги очень быстро и, как правило, шумно передвигаться (ездить или летать в/на ступе): «...не туча катитча, а из чистаго поля Ягабиха идет. <...> Ягабиха прокатилась тучей» (Онч., 44 — Арх.), особенно во время погони: «И поехала Егибовна на железной ступе в лес, с железным крюком, и хвощет лес-то...» (Крн., 85 — Арх.); «...бежит, слышит Егибовой-то ступа стучит, комель метет» (Крн., 87 — Арх.). В словаре В. И. Даля по этому поводу читаем: «...ступа ее железная, везут ее черти; под поездом этим страшная буря, все стонет, скот ревет, бывает мор и падеж».¹⁹

3. По способности манипулировать связанными с ней персонажами (стариком-мужем, дочерьми, невестками, работницами, подвластными ей тварями, чудесными предметами и т. д.), а также неудачливыми героями и героинями (царскими невестами, сестрицами, молодыми матерями, братьями Егором Храбрым и Федором Важным, Водовичами и т. д.); манипулирование окружающими в своих целях отличает Бабу-Ягу во всех текстах.

4. По умению Яги колдовать; приемы, которыми она владеет, разнообразны:

прикосновение (удар): «...бежит ступа по дороге, а в ней сидит баба Яга; подъехала, ударила молодца и лошадь пестом, и стало два камня» (Онч., 152 — Олон.);

¹⁸ Действие, чрезвычайно характерное для ведьм, так как отнимание молока — это отнимание жизненной силы, причем в народном представлении ведьмы забирали молоко как у коров, так и у кормящих женщин. В севернорусских сказках не встречается сюжета, где бы Яга занималась отниманием молока у кормящей матери, хотя бывают сложности со вскармливанием младенца у героинь по ее вине (сюжет «мать-рысь»: Аф., 101 — Арх.; Смр., 41 — Волог.). А сосанием молока из груди у красавиц занимаются Огненные Змеи (Летуны), которые именно таким образом, по народному мнению, забирают у женщин их жизненную силу. Это о них писал Д. Чулков в «Абевега...». «Дьяволы летают и иссушают женщин...» (цит. по: Власова М. Н. Новая АБВГА русских суеверий. СПб., 1995. С. 155). Подобно Яге, польская богинка — персонаж мифологический — грешит сосанием молока из груди, правда, предпочитает делать это у спящих; для нее нет большой разницы, чью грудь сосать, — объектами ее агрессии могут быть как спящие женщины, так и дети, и даже мужчины, отчего у последних грудь наливается молоком (Славянские древности: Этнолингвистический словарь. 1995. Т. 1. С. 563).

¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. С. 672.

использование волшебных предметов: «...подала перстень и говорит: „Поди в город, и какая девушка поглянется, только покажи ей этот перстень, она с тобой сейчас и заговорит...”» (Онч., 73 — Арх.);

использование вербальной магии, причем от угроз, которые она реализует («как скажу, так и будет!» = сказочной формуле «сказано — сделано!»): «Скажи, куда пошла?... А не скажешь, так добро не будет» (Раз., 59 — Олон.); «Куда, молодец, поехал? Возьми и меня... Глухоту напушу!.. Не возьмешь — слепоту напушу, не увидишь куда ехать... Если не возьмешь, то вверх кренем поверну, не доедешь! <...> Вот пришла на корабель и напустила ей [сестре] слепоту и глухоту, а брату глухоту» (Раз., 20 — Олон.), до настоящего заговорного слова («Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!.. Завернись ты калачиком, растянись пирогом!» (Нкф., 85 — Арх.); «Быть ты, Федор Водович, серым камнем, лежать от ныне и довеку» (Онч., 4 — Арх.);

использование обмана, воровства, подлога: Яга подменивает условный знак (прялицу на ружье), ворует у героини сорочку и выдает себя за нее (Раз., 59 — Олон.); брат велит сестре собираться, а та не слышит, тогда Яга говорит сестрице, что брат велит в воду бросаться, сестрица бросается в воду и превращается в лебедушку (Раз., 20 — Олон.); Баба-Яга предлагает Аннушке вымыться в ручейке, а в это время дочь Яги занимает ее место в карете (Нкф., 80 — Арх.); «„Дай мне воды хорошие”. — „Вот самая вода и лучшая”. — „Вот старая меня обманула, не такую воду... указала”. — „А эта лучше вода”. — „Опять не тово! Пустое дело!”» (Сок., 140 — Волог.) и т. д.

5. По способности к оборотничеству: ей удается и самой оборачиваться золотой птичкой (Онч., 4 — Арх.), принимать облик девицы, царской жены или невесты (Ржд., 9; Сим., 37 — Арх.; Раз., 59 — Олон.), иметь змеиный вид и летать при этом (Б., 22 — Мурм.), и оборачивать других: гусыней или рысью падчерицу (Аф., 101 — Арх.; Смр., 41 — Волог.); лебедушкой или шукой невесту царя (Б., 22 — Мурм.; Сим., 45; Ржд., 9 — Арх.; Раз., 20 — Олон.); серым камнем Федора Водовича (Онч., 4 — Арх.); волками, щенками, кошечками чудесных сыновей (Крн., 69 — Арх.; КС, 14; Раз., 11 — Олон.), и т. д.

Способность оборачиваться или умение морочить, отводить объекту глаза, оказывается стержневой функциональной характеристикой в текстах с сюжетами (403 А, 450, 451, 480 С и Ан. 707), в которых Баба-Яга устраняет героиню (жену, сестру, молодую мать) и занимает ее место сама или замещает ее своей дочерью. Причем случившееся раскрывается не сразу, и, как правило, герой не обнаруживает подмену сам, в этом ему необходима помощь других персонажей, например: стало наконец мужу (царю, мельнику, жениху и т. п.) любопытно, куда бегают козлик (баранчик, старичок-пестун, старушка-нянька и т. д.), он отправляется следом, подсматривает, подслушивает и узнает; верные слуги обращают внимание своего господина на необычность происходящего в его семье; корабельщики рассказывают герою правду о потерянных им жене и детях; прохожие люди или проезжие «заморские» гости рассказывают о виденных ими чудесах, и государь отправляется посмотреть, и там правда раскрывается, и т. д. Таким образом, или оборот (морока), наведенный Ягой, оказывается весьма качественным, или ведьма Яга (в случаях, когда она сама занимает место героини) уже не может считаться старухой, так как предстает женщиной вне возраста, меняющей его свободно по мере надобности.²⁰

²⁰ В работе, посвященной системе персонажей русской волшебной сказки, Е. С. Новик говорит о характерной для большинства сказочных персонажей четкой возрастной (и половой) фиксированности (брат, сестрица, царевич, царская невеста — молодые, а колдун, старуха, царь — стары, что называется, по умолчанию), которая восполняет неопределенность их внешнего облика, особенно это ощутимо в отношении сверхъестественных персонажей (Морозко, Вихрь, Змей, Шмат-разум — обычно антропоморфны, все они мужского рода, но сверх того сказать о них что-либо трудно). Так и Баба-Яга — всегда баба (сложившийся женский вариант сверхъестественного существа) и обычно старая баба. Как писал П. П. Чубин-

Внешний облик Бабы-Яги

Фактически во всех рассмотренных текстах, за очень малым исключением, внешний облик Бабы-Яги оказывается совершенно неопределенным: описания отсутствуют и с уверенностью можно говорить лишь об антропоморфности персонажа и его принадлежности женскому полу и с осторожностью о преклонном возрасте, который, как выяснилось, является величиной переменной. Нет возможности опереться даже на такие традиционные атрибуты, без которых Яга с трудом воспринимается как Яга: костеность, железные зубы, «тит-ки», что «веснут через грудь» или «через порог», «нос — в потолок» и т. д.

Только в одном из рассмотренных текстов, в вологодском (Сок., 140), встречается упоминание об одноногости Бабы-Яги, причем здесь оно является составной частью имени: «Приходит... к Бабе-яге, одной ноге за живой водой за молодой...», и, следовательно, становится акцентированным атрибутирующим элементом ее внешнего облика, особенно в контексте змеиной природы Яги, и с учетом того, что действие происходит в «змеином царстве».²¹

В еще одном тексте (Б., 22 — Мурм.) делается акцент на змеиных чертах облика Бабы-Яги, при этом используется чрезвычайно скупой набор описательных средств: «идет... старуха стара-стара, в опорках... <...> в церковь... красавицу [о дочери] повела! Шаг шагнет — трава повянет, засмеется — как змея, вид змеиный»; «...а эта змеевка полетела и разбилась». Если привлечь данную И. В. Новиковым разбивку на типы отрицательной Яги, то подобная скудность

ский: «Народ представляет Бабу-Ягу столетнюю старуху, ужасно злой» (Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 1. Вып. 1. С. 216). Рассматривая функциональные задачи оппозиционных характеристик старей/молодой, мужской/женский, Е. С. Новик отмечала, что в отношении таких персонажей, как Яга (и, разумеется, это прежде всего касается именно тех сказок, где она предстает отрицательным персонажем), довольно ощутима тенденция противопоставления старых (Бабы-Яги) молодым (сестрицам, невестам и рожающим чудесных детей женам, а также богатырям и детям). Отдельного рассмотрения требуют тексты, в которых Баба-Яга выступает в роли помощницы и где она оказывается не старухой, а девицей (без всякого оборотничества, и необходимости в нем нет).

²¹ Одноногость, закрепленная в данном тексте в самом названии Бабы-Яги, — явление очень редкое. Традиционно, и не только в сказках, но и в известных поговорках, обыгрывается ее «костяная нога», благодаря которой Яга привычно (и в полном соответствии с проповедскими параллелями) соотносится с образами безобразных хозяек мира мертвых — со скандинавской Хелью, германской Гольдой (Перхтой) и др. (Пропи В. Я. Исторические корни... С. 70, 76—78). К. Д. Лаушкин рассматривал костеность и одноногость Бабы-Яги как семантически однозначные признаки (когда речь заходит о ногах Яги, то неизменно акцентируется одна, а о другой не упоминается). В своей теории о змеиной природе Яги он опирается именно на ее одноногость («...одноногость [Бабы-Яги] является достаточным основанием, чтобы предполагать, что она входит в круг божеств, ведущих свою родословную от змей»), выстраивая ретроспективно генеалогию образа. «...новое время — Баба-Яга, костяная нога (сказочный персонаж); дохристианская эпоха — Баба-Яга, одна нога (славянская богиня смерти); первобытная эпоха — змея (олицетворение смерти)» (Лаушкин К. Д. Баба-Яга... С. 185, 186).

Справедливости ради нельзя не упомянуть и о тех случаях, когда вскользь все же говорится о ногах Яги. Во-первых, в рассматриваемых нами севернорусских текстах (в которых Яга — отрицательный персонаж) фактически нет описаний внешности Бабы-Яги, в том числе ее костености/одноногости, исключение составляет вышеупомянутый вологодский текст. Но во многих текстах у Яги предполагается наличие пары вполне нормальных ног, и, судя по описаниям действий, она пользуется ими по назначению: «идет — пришла старуха стара-стара, в опорках <...> повела свою дочь: шаг шагнет...» (Б., 22); «Егабова идет сама» (Нкф., 85); «Он стаў Егибову кидать-то, Егибова руки выжняла и ноги выжняла и не може в пещку...» (Нкф., 64); «...а только ко мне ходит в поудень баба-Яга» (Сок., 143); «Яга-баба приходит (со свадьбы) и говорит...» (Онч., 71), «приходит опять баба-ягабиха... <...> Иван и говорит: „Ноги-ти здоровы, сама зайди“. Баба-Яга зашла...» (Онч., 3); «Яга-Баба пришла и начала свое дело справлять <...> после ушла в лес...» (Аф., 284); «...тут еги-баба и ноги протянула» (ВС, 18); «...шли, шли, шли, встретила им навстречу яга-баба: „Куды, девка, пошла?“ <...> „Пойдем вместе“» (Раз., 59); «выбежала на берег женщина и кричит (а это баба-яга)» (Раз., 20), и т. д.

описания дает лишь условное представление о безобразной, отталкивающей внешности Бабы-Яги, обладательницы чудесных предметов (вологодский текст выстроен по сюжету «неверная жена» (А 315 В), а мурманский — «подменница царской невесты» (403 А)).

Еще в двух текстах встречаются:

а) намек на железные зубы²² Яги — она грызет дерево, на котором спасается от нее Лишанушко (Нкф., 64 — Арх.); и

б) упоминание толстого голоса Бабы-Яги, который ей пришлось перековать у кузнеца, чтобы сымитировать «матушкин голосок» и добраться до Митошки (ВС, 21 — Волог.).

Оба текста относятся к сюжету А 327 С, в котором функционирует только один тип Яги (по разбивке, данной И. В. Новиковым) — похитительницы детей.

Во всех остальных текстах, как уже было отмечено, нет даже такого скудного описания внешности Яги. Ее облик оказывается лишенным каких-либо ярких говорящих черт, он неясен, если только не принять положение, что в самом имени Бабы-Яги заложена полная информация о том, что она собой представляет и что от нее следует ждать, т. е. название персонажа в большей степени отражает функциональную специфику образа, чем описание внешности.

Атрибуты: предметы, спутники

Для получения подробной и упорядоченной картины отслеживаемых в текстах атрибутов, отражающих специфику Бабы-Яги, мы посчитали целесообразным выделить в отдельный раздел сопутствующие ей атрибуты-объекты. Они не всегда являются неотъемлемыми составляющими этого образа и даже могут не являться таковыми вообще, но спорадически фигурируют в текстах и отмечены определен-

²² Аномальные (необычной формы, размера, цвета или крепости) зубы практически во всех славянских (скорее всего, и — шире — в индоевропейских) представлениях являлись характерной чертой мифологических персонажей: крепкими (=железными) зубами обладали вурдалаки (те же вост.-слав. еретики, ерестуны или упыри), караконджулы (южн.-слав. змееобразные оборотни, призраки, которых так и называли «гвозден зуб»), шуликуны (сев.-рус.), черти и др. В сказках традиции не иссякла: железными зубами обладает Смерть, ими ей приходится грызть дубы (рус.); пугающие торчат изо рта длинные зубы госпожи Метелицы (нем.) и т. д. А. А. Потенция проводил четкую параллель между Бабой-Ягой и германской Хольдой (которая в немецких сказках трансформировалась во фразу Холле, госпожу Метелицу), усматривая тождество в целом наборе сходных для обоих образов характерных черт, в числе которых называется и связь с мышами (и зубами). Эта связь может принимать разные формы, однако все они, так или иначе, лишь выявляют и подчеркивают негативные коннотации с миром мертвых. К примеру, это может быть патронаж: Яга (совсем как Хольда, с находящимися под ее рукой эльбами (=мыши=души умерших)) оказывается хозяйкой, а то и «матерью» «деток» — мышей (*Потенция А. А. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском об-ве истории и древностей российских. 1865. Кн. 3. С. 355—356*). Общераспространенным считается у русских представление о том, что именно в компетенции мыши находится наделение детей «настоящими» зубами, когда молочные начинают выпадать. Причем в ритуальных формулах требования/просьбы нового зуба нередко встречается запрос «костяного», а то и «стального» взамен реляного, деревянного, старого. Так, у калужан, например, говорится: «Мышка, мышка, на тебе железной, дай костяной» (*Энциклопедия суеверий. М., 1995. С. 164*). Вера в связь обретения коренного зуба с «иным» миром (и зачастую именно с мышью как его представителем) до сих пор живут в большинстве славянских традиций. Это отчетливо прослеживается в принятых формулах «отсыла» выпавшего зуба для обмена. В частности, само то место, куда отправляют зуб и как это проделывают: «бросают через дом» (серб., юго-зап. болг.), «бросают на крышу хозяйственных построек» (южн.-слав.), «...на чердак (на поедение мышам)» (пол., боен., славон.), «в подполье» (сиб.), «через голову на печку» (калуж.), «в печку, в огонь (через голову назад, трижды)» (южн.-рус., укр.) и т. д. Кроме того, у чехов и словаков в верованиях, связанных со сменой зубов, нередко место мыши занимает Баба-Яга (!) (*Потенция А. А. О мифологическом значении... С. 355*).

ной стабильностью. Для большего удобства все выявленные атрибуты-объекты разделены на две группы: а) атрибуты-предметы и б) атрибуты-спутники.

а). Атрибуты-предметы.

Собственно волшебных атрибутов-предметов, которые могли бы быть определены условно как дары Яги герою, в севернорусских текстах оказалось немного. Они либо используются Ягой с целью погубить героя (несущие смерть различные приманки, обманки), либо герой забирает их у Яги под угрозой смерти и использует затем себе во благо (призы).

Призом, к примеру, является перстень, который Ивашко Кочевряжко получает от попавшей в расставленную им западню Яги: «...,Иванушко, красное ты солнышко! Делать нечего, поди в кладовые, там все найдешь.» Потом подала перстень и говорит: „Поди в город, и какая девушка поглянется, только покажи ей этот перстень, она с тобой сейчас и заговорит...“» (Онч., 73 — Арх.). Благодаря этому перстню Ивашко обретает жену, богатство и три дома, появившиеся на месте худой избы Бабы-Яги. Призом является и родник Яги с «живой водой молодой», ибо героине приходится потрудиться, чтобы добыть желаемое: два источника из указанных Ягой были бесполезны для оживления героя, и только третий — настоящий (Сок., 140 — Волог.).

К смертельно опасным дарам-обманкам относятся заготовленные Бабой-Ягой для героя «доброе вино» (которое отравлено), «чудесный конь» (который должен сбросить и растоптать царевича) и «золотая карета» (которая должна его раздавить) (Крн., 141(2) — Арх.).

Даром-приманкой, чтобы заманить героев на «свое» пространство, оказывается сама Яга, оборотившаяся «золотой уточкой» (Онч., 4 — Арх.). Приманками следует считать те жилища и помещения в них, что контрастируют друг с другом, куда заманивает героев Яга: золотой дворец, «серебром крыша крыта (во дворце худа комната, рогожей крыта)» и богато убранную комнату в избушке («...ветха избушка, берестой покрыта, дубом подперта, а горница в избушке бархатом убрана, золотом шита») (Крн., 141(1) — Арх.).

Своеобразной приманкой является и еда: богатые, ломящиеся от всевозможных яств столы, которые собирает Баба-Яга для проверки женихов, — «Навалила на столы пряников, налила бражки медовой, сусла пивного...» (Крн., 141(1) — Арх.); «завара», которой Яга сначала накормила голодных девочек, а потом вдруг потребовала отдать ее обратно²³ (ВС, 18 — Волог.). И «сухая краюшка хлеба» (она сродни железному колобку), которую мачеха [Яга] дает для пушного унижения Марье-царевне на пастбище и которую та по возвращении кладет нетронутой на стол. Эта краюшка становится для Яги знаком, с которого начинается проверка царевны (Аф., 101 — Арх.).

Железный хлеб, которым пробавляются попавшие к Бабе-Яге дети, — «железный колобок» ест Лишанушка (Нкф., 64 — Арх.), «железны сухари грызе» Ивашка (Крн., 87 — Арх.) — не простой атрибут, его нельзя определить как приманку или обманку. Традиционно железная еда в сказке возникает в случаях сюжета-квеста, когда герой или героиня отправляются в долгий путь на поиски суженого/суженой (А 301 А, В; А 400 А, В). Еда (хлеб, просфора) в этом

²³ Прием — накормить «гостей», а потом потребовать еду обратно, который Яга использует, чтобы подловить добычу, только на первый взгляд выглядит неожиданным. Как писал В. Я. Пропп, «не прошедшему проверки не будет дороги назад»: поедая завару Яги, девочки принимают пищу «чужого» мира, тем самым адаптируясь к «чужому» миру и отсекая возможность возвращения в «свой» мир. Этот мотив известен как древнему мифу (похищенная Гадесом Персефона съедает несколько гранатовых зернышек и уже не может навсегда оставить царство мертвых), так и бытовому мифологическому рассказу: желая вернуться в мир живых, нельзя есть ничего из предлагаемого лешим, водяным и проч. Когда все девочки (за исключением Аннушки) пусть частично, но возвращают Яге «ее завару», они лишают ее причины задерживать их у себя, и Яга их отпускает. Аннушка же оставлена по собственной вине: возвращать ей нечего — она съела все, и нет ей пути назад.

случае входит в единый «железный» набор с посохом (реже шляпой) и обувью (сапоги, башмаки), который приобретает героем/героиней в тройном количестве: три железных хлеба, три пары железных сапог, три посоха железные... Этот набор становится пространственно-временным условием для достижения цели — «Когда изложишь три хлеба железных, износишь три пары железных сапог и три железных посоха сотрешь, только тогда и сыщешь меня...». Однако в текстах, в которых фигурируют железные колобки или сухари, сюжет иной (327 С), т. е. оба текста на похищение детей, и очевидно, что «железная» еда не может рассматриваться в качестве атрибута, указывающего на длительность или протяженность пути. Скорее «железо», предлагаемое в качестве пищи, здесь должно рассматриваться как продукт аномальный (противоположность нормальной еде), подчеркивающий «чуждость» мира, в котором герой оказался. Кроме того, когда обычные атрибуты «своего» мира (из дерева, ниток, зерна и т. п.), встречаясь герою/героине в мире Яги, меняют привычный, свойственный им материал на «железный», достигается еще один важный эффект — это нагнетает, усиливает чувство страха. Железная кочерга воспринимается адекватно (если, конечно, ее не используют в качестве хлыста-«погонялки»), но железная ступа, в которой Баба-Яга с грохотом разъезжает по лесу, — это нарушение нормы и вызывает страх (Крн., 85 — Арх.).

Ступа с пестом и помело или кочерга (для перемещения, и в частности для погони), затопленная печь, хлебная лопата (чтобы зажарить и съесть оказавшихся в ее власти ребят) (Нкф., 64, 85; Крн., 87, 74 — Арх.; Смр., 40; ВС, 21, 18 — Волог.; Б., 105 — Мурм.; КС, 15 — Олон.) — традиционные, наиболее привычные атрибуты Бабы-Яги, характеризующие ее прежде всего как похитительницу и людоедку (предпочтение Яга отдает не сырой, а жареной человечине: «...зажарю и съем!»). Но эти же атрибуты указывают на нее как на хозяйку,²⁴ «жрицу» домашнего очага, а в единичных случаях может наблюдаться

²⁴ Рассматривая печь и хлебную лопату в качестве характеризующих Ягу атрибутов, нельзя упускать из виду устойчивую связь Яги и топящейся печи (печного огня). Яга, как правило, обретается в избе, а это дом, который без печи невозможен, в противном случае это уже будет не изба. К тому же сама она действительно часто соотносится с печью: она может лежать на ней, стоять у печи, растапливать ее. Есть текст, в котором подземный дворец, куда попадает Иван-царевич, топится, из него дымок идет... («Тарх Тарахович»). Растапливание печи, особенно «своей» печи — прерогатива самой Бабы-Яги или почетная обязанность ее дочерей: «явилась Баба-Яга и грозно вопрошает: „Как ты смеешь топить мою печь?“» (Смр., 341).

Этот мотив связи Яги с очагом, домашним огнем попал в заговоры: «...Из-под того дуба сорочинского выходит Яга баба и поджигает тридевять сажен дубовых дров и столь жарко... разгоралась отроковица р. б. (имярек)...» (*Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 2: Народная словесность. М., 1878. С. 143, № 15), причем в заговоры любовные, называемые присушками, которые традиционным народным сознанием обычно воспринимались как греховные и соотносились с ведьмовством (см.: *Адоньева С. Б., Овчинникова О. А.* Традиционная русская магия в записях конца XX в. СПб., 1993. С. 136, в примеч.). В заговорах сцена разжигания огня в печи может приобретать совершенно фантастический размах: докрасна раскаленная печь (медная, оловянная, железная), «накладена дров дубовых», может стоять в чистом поле, к тому же может быть и не одна печь, а три, а то и 77 печей сразу (в таком варианте и еги-баб становится столько же, но эти еги-бабы уже не занимаются разжиганием огня, а пребывают «на каленых печах»: на каждой печи — своя Яга, и тут же упоминается дочка Яги с клюкой и метлой, общим числом и того, и другого, и третьего — по 77 штук). Печное пламя при этом может разжигать «небо и землю и всю подселенную» (*Познанский Н.* Заговоры. Пг., 1917. С. 205, 206, 211).

Огонь очага, равно как и сама вертикаль печи: труба — устье — (подпечье) голбец, представлялся стихией (= путем, проходом), связывающей мир живых и «иной» мир: жизненная сила рода (его сущность) и центр родового локуса, через который осуществляется связь с душами предков и с теми, кто «ушел» совсем, и с теми, кому предстоит еще вернуться в следующих рождениях. В этой связи представляется интересным часто повторяющийся весьма характерный сказочный прием — Баба-Яга сжигает (прячет, бросает, сажает) на печи подавляющее большинство жертв, попавших ей в руки, или отправляет их в подпечье (в «гобец», в подполье) (Нкф., 64; Нкф., 85; Карн., 141(1) — Арх.; ВС, 21 — Волог.); туда же могут отправляться и их обглоданные «кости» (Онч., 73 — Арх.).

своего рода тождество Бабы-Яги и раскаленной печи, печного жара, огня. Так, в одном из белорусских текстов есть описание того, как Яга борется с охватившей ее жаждой от проглоченных «бухонов» хлеба — она в три приема выпивает озеро, словно пылающую топку заливает; а в другом, уже в севернорусском тексте, оказавшись в горящей печи, Яга не сгорает.

Среди рассматривавшихся текстов встретился лишь один (но в действительности тексты с этим мотивом — не редкость), в котором героя/героиню Яга намеревается «зажарить» не в печи, а в бане,²⁵ для чего ее топят «докрасна», а затем ведут туда гостя/гостью: «А Яицъна-Бабицна байну натопила да пришла под окошко: „Марья-царевна, поди ко мне в баенку, у меня водушка ключевая да веничек шелковый” (...) ...нажарила, настегала прутьями, потом купаться повела» (КС, 16 — Олон.), или, как в аналогах: «запарил», «насмерть убил, все костье раскрошил» (Б., 7 — Мурм.).

Пест — еще один атрибут, который Яга обычно использует не по прямому назначению для толчения или перемалывания, но в качестве инструмента управления известным «транспортным средством»: «в ступе едет, пестом погоняет...», «наганивает их баба Ягабиха в ступы, подпира[е]тся пестом» (Онч., 27 — Арх.), «как магический жезл, которым она пользуется для колдовства:²⁶ «...выскачила из избушки Яга-Баба со пестом и хлопнула Федора Водовича [пестом] в голову: „Быть ты, Федор Водович, серым камнем...”» (Онч., 4 — Арх.); «...ударила старика пестом, старик повалился [камнем стал], она навалила на старика три камня и уехала» (Онч., 152 — Олон.).

б). Атрибуты-спутники.

Приблизительно в трети рассмотренных текстов (в 14 из 47) у Бабы-Яги нет спутников вообще, она самодостаточна и действует в одиночку (Онч., 4; Крн., 85, 87, 141(2); Ржд., 9; Сим., 37, 45 — Арх.; Б., 46 — Мурм.; Раз., 11, 20, 59; КС, 15, 16 — Олон.; ВС, 18 — Волог.). В текстах, где спутники у нее есть, они обладают вполне устойчивыми специфическими чертами: во-первых, в подавляющем большинстве случаев спутниками Яги оказываются особи женского пола; во-вторых, по отношению к ней они стабильно занимают подчиненное положение.

Наиболее частыми спутницами Яги являются ее родные дочери. Число их варьируется. Это может быть одна дочь, которой создает конкуренцию падче-

²⁵ Выделять особо сказочное паренье в бане, приравняемое паренью (=варенью, жаренью) в печи, не стоит, — это действия одного порядка, даже если не цитировать В. Я. Проппа, а привести традиционную сказочную формулу установления контакта с Ягой: «Ты напой-накорми, да в бане намой, а уж после выпрашивай...». Для представлений Русского Севера более чем характерно восприятие бани и как одного из важнейших семейно-родовых локусов (баня не в меньшей степени, чем домовая печь, — ключевой элемент обрядов перехода), и как активно (опять же не меньше домовой печи) используемого контактного пространства между мирами. И то и другое, похоже, приобретает существенное значение при рассмотрении характеристик образа Яги и как древней хозяйки, и как хранительницы границы между мирами, и как иницирующего, контролирующего состояние «свой/чужой». К сказанному следует добавить, что в бане, как нигде больше, взаимодействуют обе древнейшие первостихии — огонь и вода, как созидающие, так и разрушающие, что ставит баню в совершенно особое положение. Правда, здесь можно упомянуть характерное для южнорусской традиции мытье в домовой печи, т. е. на существующую определенную функциональную заменяемость бани домовой печью. Но эта замена не является взаимообразной (никто не занимается приготовлением пищи в бане), кроме того, интересы данной статьи ограничены рамками севернорусской традиции.

²⁶ Именно пест, а не лопата или помело, вошел в существующую по Бабе-Яге иконографию: на лубочных картинках ее нередко изображали с пестом в руке, едущей (кстати, не в/на ступе, а верхом на свинье) с «коркодилем» драться. За пестом давно уже закрепился статус специфического средства женской аргументации (см.: «Беседа отца с сыном о женской злобе» (XVII в.), а также многочисленные лубочные изображения злых жен, в руке которых неизменно зажат пест). Подтверждая расхожую истину, что «против лома нет приема, если нет другого лома», в поговорке говорится: «От худой жены — ни хлыстом, ни пестом».

рица (Крн., 69 — Арх.; Смр., 42 — Волог.), либо, что происходит гораздо чаще, этой дочерью Яга подменивает героинь, предварительно убранных с дороги: невесту небесного мельника (Смр., 43 — Волог.), царскую невесту (Нкф., 80 — Арх.), утопленную королеву (Крн., 64 — Арх.), царицу-роженицу (КС, 14 — Олон.) и т. п. В одном из текстов, где проводится подмена роженицы, эта подмена оказывается двойной: Баба-Яга заменяет своей дочерью жену Ивана-царевича, а перед тем подменивает чудесных сыновей царицы своими уродцами-внуками, которых одновременно с царицей рождает ее дочь (Сим., 8 — Арх.).

Реже в сказках фигурируют две родные дочери Яги, но такое количество дочерей не привносит в развитие сюжета ничего нового: либо разрабатывается вариант с одной дочерью — у Бабы-Яги есть две дочери, одну из них она ведет к царю вместо царской невесты (Б., 22 — Мурм.), либо не менее известный вариант с тремя дочерьми (одноглазкой, двуглазкой и трехглазкой), в котором роль одноглазой не получает развития. И в этом случае замена «чужой» дочери на «свою» проводится Ягой в объяснимой естественными причинами плоскости: нормальная (с двумя глазами) падчерица подменяется нормальной же («двоглазой») дочерью Яги (Аф., 101 — Арх.).

Три дочери Яги могут действовать не только в классическом сюжете с падчерицей (Смр., 41 — Волог.), но попадают в сюжет, в котором Баба-Яга вступает в единоборство, пытаясь взять верх над заезжим героем, нарушающим заведенный ею порядок существования иномирья (Онч., 241 — Олон.). Яга использует трех своих (?) дочерей (девиц-голубиц) как приманку для уничтожения героев (Крн., 141(1) — Арх.). Напрямую девицы-голубицы нигде в тексте дочерьми Бабы-Яги не называются, но Яга проявляет себя с героями как потенциальная теща, а девицы-голубицы вписываются в обычные параметры полностью подвластных ей дочерей, которых она активно использует для достижения своих целей.

Три дочери (имеется вариант и с одноглазкой, двуглазкой и трехглазкой (Б., 105 — Мурм.)) или три работницы Яги встречаются также и в традиционном сюжете с похищением детей, которых Баба-Яга собирается изжарить и съесть. Поручая каждой дочери (работнице) «приготовить» ей отловленного мальчишку, Яга последовательно теряет своих помощниц и остается в конечном счете один на один с маленьким героем (Крн., 74; Нкф., 85, 64 — Арх.; Смр., 40; ВС, 21 — Волог.). Таким образом, будь то дочери или работницы, они служат в данном сюжете скорее как художественный прием ретардации, который работает на нагнетание атмосферы страшного, подготавливая заключительное противостояние и счастливую развязку. Наконец, тремя спутницами Яги являются и три ее невестки — жены убитых Иваном Быковичем змеев (Онч., 27 — Арх.).

В сущности, между указанными спутницами Яги — дочерьми, девицами-голубицами, невестками или работницами — особой разницы не наблюдается: за редким исключением все они функционально пассивны, полностью подчинены воле и требованиям Бабы-Яги и проявляют себя в подавляющем большинстве случаев как средство, а не как самостоятельно действующий спутник.

Персонажи и предметы, к услугам которых прибегают как Баба-Яга, так и герои-оппоненты

В отдельную группу выделяются персонажи и предметы второго плана, которые действуют более или менее самостоятельно и условно определяются как функционально нейтральные, т. е. их услугами может воспользоваться как та, так и другая сторона. Роль таких «случайных» помощников играют и люди, и животные, и, говоря обобщенно, предметы. Обобщенно, поскольку в эту подгруппу могут быть включены разноплановые атрибуты: меч-кладенец, колобок,

замешанный на материнском молоке, горошина, вырастающая до неба, вода из копытца, чудесная яблоня, выросшая на косточках, и т. д.

К большому числу упомянутых персонажей легко применить разделение на активно помогающих одной стороне и не менее активно мешающих другой. Принятие той или иной стороны обычно оказывается причинно обусловлено. Так, например, персонаж принимает сторону героя, потому что:

1) изначально является «своим» и выполняет пестующую функцию по отношению к героине/герою: сестрицы, недосмотревшие за маленьким братцем, идут к Яге, чтобы его вызволить (Крн., 87 — Арх.); брат помогает найти и расколдовать сестру (Ржд., 9 — Арх.); собачка и козенок, с которыми дружит царская дочка, помогают ей (Крн., 64 — Арх.); (матушкина) коровушка падчерицу кормит, поит, снаряжает (Аф., 101 — Арх.) и т. д.;

2) функцию верного служения герою/героине: друг Ивана-Царевича Орон Верный защищает его, жертвуя собой (Крн., 141(2) — Арх.); собачка, посланная матерью в дорогу вместе с героиней и охраняющая девушку от Бабы-Яги (Раз., 59 — Олон.); брат, который бескорыстно идет спасать брата (Онч., 4 — Арх.), и т. д.;

3) героем или героиней ему была оказана услуга, проявлена учтивость, сделано что-то доброе: накормленная кашкой мышка спасает падчерицу от «нехорошего», оборачивая ее в булавочку (Смр., 42 — Волог.); бабушка-задворенка предупреждает заблудившегося героя о грозящей ему опасности, наставляет и дает волшебные предметы: «А вот, дитетко, пойдешь мимо одного места — там Яицьна-Бабицьна живет; она всех ест, дак уже тебя съест. Ты как придешь к ей в избу, она посадит тебя на пекло в печку садить. Она как тебе скажет: „Руки съузь“, — ты скажи ей: „Седь-ко сама да поуци-ко меня“. Она как сядет на пекло, ты ю в пещку свисни, да сам убежи. Вот, дитетко, я еще тебе дам щетку, гребень и зеркало. Как она след тебе погонитсе — ты это все бросай» (КС, 15 — Олон.); бабушка-задворенка помогает Ивану-царевичу добыть богатырского коня и меч-кладенец (Крн., 141(1) — Арх.); в благодарность за погребение мертвец становится спутником героя и многократно помогает ему: прогрызает железную стену, освобождает от оков узника, убивает волшебницу, дает важные советы, освобождает от заклятья братьев и уничтожает Бабу-Ягу (Онч., 152 — Олон.);

4) к нему (или к ним) обратились с просьбой: серые гуси уносят Лишанушку от настигающей Бабы-Яги (Нкф., 64 — Арх.); конь уносит Аннушку домой, спасая ее от погони (ВС, 18 — Волог.); серые гуси подсказывают старичку-пестуну, где найти Марию-царевну, превращенную Ягой в гусыню (Аф., 101 — Арх.);

5) оказалась востребована их (к примеру, профессиональная) функция: кузнец кует голос Яге (Смр., 40; ВС, 21 — Волог.); царский слуга встает сторожить на три ночи, ловит и расколдовывает царскую невесту: «...хватает сторож сестру, обвернутую лебедью... и держит ее, так она всяко овяртывалась, и змеей, и веретеном, и всяко. И он, сторож, не выпустил ее и приготовил крест да пояс...» (Б., 22 — Мурм.).

Встречаются среди атрибутов статично нейтральные — они не служат ни доброму герою, ни злой Яге, выполняя собственную функцию: чудесная горошина прорастает и вытягивается до неба, она — всего лишь путь в другой мир, способ туда добраться, и ничего более (Смр., 43 — Волог.); так же как и водица из копытца, которую выпивает братец, становясь от нее козленком (КС, 16 — Олон.). Правда, в западноевропейских вариантах сказки «Братец и сестрица» встречается объяснение, что вода заколдована колдуньей (мачехой), чтобы избавиться от детей.

Другие персонажи выдерживают правило «как ты со мной, так и я с тобой», т. е. изначально они нейтральны, но поступают с героями по заслугам: мышка, которую падчерица кормит, в благодарность прячет ее, когда приходит «нехо-

рошей», но она отказывает в помощи мачехиной дочери, которая с ней общалась грубо (Смр., 42 — Волог.).

Есть персонажи, которые по мере развертывания сюжета как бы наращивают (развивают) свою функцию. Так, например, если коровушка только помогает падчерице (кормит-поит, сряжает) и никак не противостоит Ягишне с дочерьми, то ракитов куст, выросший из «гузенной кишочки» забитой коровушки, и сладкие ягодки, которые на нем красуются, и разные пташечки, которые на нем сидят и поют песни «царские и крестьянские», — все это уже активно противостоит злой мачехе и ее дочерям: куст поднимает ветки повыше, чтобы до ягод было не дотянуться, и птички не дают брать ягоды дочерям Ягишны (Аф., 101 — Арх.), то же самое с яблоней (Смр., 41 — Волог.).

Среди персонажей, чье отношение к героям и к Яге требует особого рассмотрения, потому что сюжеты с ними преобладают, находятся братья и сестры. Внимание в этом случае вновь привлекает проблема родства. Некоторые сюжетные ситуации, связанные с родством, уже рассматривались ранее, например те, в которых сводные сестры героини являются родными дочерьми Бабы-Яги и выступают в качестве естественных антагонистов по отношению к падчерице (Смр., 41 — Волог.; Крн., 69 — Арх.). А также те, в которых родные или крестовые братья (друзья) бескорыстно выручают друг друга, не посягая на достаток, счастье и высокое положение, выпавшие на долю другого, хотя бы это и предлагалось им (Онч., 4; Крн., 141(2) — Арх.). Но имеются немногочисленные тексты, выстроенные по сюжету «царь Салтан» (Ан. 707), в которых родные сестры героини выступают агрессивно по отношению к ней, так как она мешает им реализоваться, занимает (избранная царем как лучшая) их место. Сестры призывают Бабу-Ягу, чтобы расправиться с сестрой, и даже готовы активно в этом Яге помогать (Б., 46 — Мурм.).

Еще одна категория братьев-сестер (в подавляющем большинстве текстов на сюжет Ан. 707, в котором Баба-Яга проявляет себя как коварная повитуха, подменивающая чудесных детей) — это не родные дети, а замена чудесных детей, рожденных царицей, и соответственно не родные братья-сестры замененным. В текстах они часто называются «обычными» детьми. Однако, как правило, это псевдообычность, так как эти дети не только разделяют судьбу их приемной матери (вместе с ней они оказываются в бочке, брошенной в море), но помогают ей спастись от преследований Яги, причем не обходятся без волшебства и оборотничества. Так, сын Иван спасает и расколдовывает чудесных братьев, которых Баба-Яга превратила в волков, а дочь Марфа во время погони делается осой («обычная» (!) девочка), кусает Ягу в глаз, та кривеет и прекращает преследование (Крн., 69 — Арх.).

В качестве варианта может фигурировать родной сын, последний из рожденных царицей чудесных сыновей (последышек), которого Яга не успевает отобрать у матери, так как она прячет новорожденного в волосах — заплетает его в свою косу (Раз. 11 — Олон.; Б., 46 — Мурм.; Сим., 8, 37 — Арх.). Ему удастся затем разыскать своих чудесных братьев, расколдовать их при помощи колобков, замешанных на материнском молоке, и помочь воссоединению семьи (как матери с детьми, так и матери с отцом), а также сделать, чтобы правда возторжествовала и Яга была наказана.

Взаимоотношения Бабы-Яги с другими сказочными персонажами

Если сопоставить рассмотренный текстовый материал: Яга — отрицательный персонаж с шестью ранее выделенными Н. В. Новиковым типами, то становится очевидно, что совпадения функциональных характеристик образа нет. Более того, некоторые существующие в текстах типы не имеют соответствий (Яга — царская повитуха), и, наоборот (полностью отсутствует, например, выделенный Н. В. Новиковым тип Яги-мстительницы), другие типы должны

либо объединяться, либо расщепляться, а в некоторых случаях, возможно, следует признать нужным выделение Яги-злой мачехи и Яги-злого свержестественного существа в качестве самостоятельных типов.

1. *Баба-Яга — похитительница детей, людоедка* (соответствует 6-му типу по Н. В. Новикову: Яга — похитительница детей): Яга хочет полакомиться Олешанковым (Лишанушкиным) мясом, посылает своих дочерей его изловить (Нкф., 85, 64 — Арх.); Яга охотится за Митошкой, хочет съесть (Смр., 40 — Волог.); Яга жалеет своей рыбы, посылает дочерей поймать маленького рыбака и изжарить (Б., 105 — Мурм.); охотится за Митошкой, хочет съесть; похитив его, приказывает работницам изжарить мальчишку в бане (ВС, 21 — Волог.); в наказание за обман Егибова отлавливает Иванушку и уносит к себе, чтобы изжарить (Крн., 74 — Арх.); сестры недоглядели за братцем, и Яга его унесла; когда они приходят за братцем, Яга заставляет их служить ей; боясь быть съеденными, они бегут (Крн., 87 — Арх.); Яга пытается изжарить и съесть героя (не ребенка, взрослого), который, следуя совету бабушки-задворенки, убегает (КС, 15 — Олон.); Яга встречает заблудившихся девиц как людоедка; на просьбу сначала накормить, готовит им завару; затем отпускает всех, кроме одной, не догадавшейся сохранить хотя бы часть пищи (ВС, 18 — Волог.), и т. д. — 11 текстов.

2. *Баба-Яга — злая мачеха*, пытающаяся избавиться от падчерицы, колдунья (соответствия по Н. В. Новикову не имеет, так как ни 4-й тип: Яга — злая чаровница, ни 5-й тип: Яга — коварная доброжелательница, нельзя считать полностью соответствующими проявляющимся здесь функциональным характеристикам): Яга-мачеха заставляет мужа-старика отвезти падчерицу в лес, чтобы там ее задавил «нехороший» (леший) (Смр., 42 — Волог.); мачеха — «Егибихина дочь» заставляет мужа-старика отвезти падчерицу в лес на мороз (Онч., 108 — Олон.); Яга-мачеха уничтожает всех помощников падчерицы (корову, яблоню и т. п.), оборачивает падчерицу рысью, подменивает ее своей дочерью (Смр., 41 — Волог.); Яга-мачеха уничтожает корову-помощницу падчерицы, саму ее оборачивает гусыней и подменивает ее своей дочерью (Аф., 101 — Арх.) и т. д. — всего 7 текстов.

3. *Баба-Яга — коварная повитуха*, обманщица, злая советчица, колдунья, убирает с пути своей дочери (или с собственного пути) царицу-роженицу, подменивает чудесных детей (частично соответствует 5-му типу: Яга — коварная доброжелательница, злая советчица и разлучница): Яга подменивает чудесных детей царицы на уродливых чад своей дочери; добивается, чтобы Иван-царевич избавился от жены и детей, устраивает судьбу своей дочери (Сим., 8 — Арх.); сестры призывают Ягу, та крадет чудесных детей, заставляет царя избавиться от жены и детей (Б., 46 — Мурм.); превращает чудесных сыновей царицы в кошечек, заставляет Ивана-царевича избавиться от жены и детей, женит его на себе (Раз., 11 — Олон.); подменивает щенками чудесных детей, заставляет царя избавиться от жены и детей, пытается женить его на себе (Сим., 37 — Арх.); подменивает чудесных детей «собашенками», заставляет Ивана-царевича избавиться от жены и детей, выдает за него свою дочь (КС, 14 — Олон.) и др. — 8 текстов.

4. *Баба-Яга — коварная доброжелательница, разлучница*, пытающаяся сама (иногда старается для дочери) занять место царской невесты (почти полное соответствие 5-му типу: Яга — коварная доброжелательница, злая советчица и разлучница, недостает лишь одного важного дополнения — Яга здесь нередко проявляет себя еще и как колдунья, 4-й тип: Яга — злая чаровница): Яга подменивает своей дочерью невесту небесного мельника (привязывает на реке), пытается извести козлика (брatца) (Смр., 43 — Волог.); подменивает королеву (сталкивает в море) своей дочерью, которая хочет уничтожить козленка (брatца) (Крн., 64 — Арх.); Егибиха отдает воденикам обещанную им Соломонииду, подменивает ее своей дочерью, которая хочет извести козленка (брatца Соломонииды) (Онч., 128 — Олон.); Яга запаривает в бане царицу, чуть не топит, а

после живьем закапывает: «Яицна-Бабицна ю бросила в яму, песком зарыла, камнями завалила...»; выдает себя за царицу; хочет уничтожить козленка (брatца) (КС, 16 — Олон.); Яга оборачивает царскую невесту в лебедушку, подменивает ее своей дочерью, брата невесты по ее наущению бросают в тюрьму (Б., 22 — Мурм.); Яга оборачивает в шуку царскую невесту, выдает себя за нее (Ржд., 9 — Арх.); Яга напускает на брата глухоту, на сестру глухоту и слепоту, превращает ее в лебедушку, а брата сажают в тюрьму (Раз., 20 — Олон.); Яга оборачивает царскую невесту шукой, выдает себя за нее, брата невесты по наущению Яги бросают в тюрьму (Сим., 45 — Арх.); Яга подменивает условный знак, разлучая мужа с женой; получает право (царская повитуха/нянька — аналог злой камеристки в западноевропейских сказках (сюжет «конь Фаллада»)) отвести царевну к отцу и подменивает ее своей дочерью; настоящая дочь пасет скот (Нкф., 80 — Арх.); Яга подменивает условный знак для братьев о рождении сестры, разлучает семью; убивает собачку, которая защищает сестру, идущую к братьям, обманывает всех и выдает себя за сестру, а настоящая сестра пасет скот (Раз., 59 — Олон.) — 10 текстов.

5. *Баба-Яга — обладательница чудесных предметов* (соответствует новиковскому 3-му типу: Яга — обладательница чудесных предметов): у Яги есть богатство и чудесный перстень, которые забирает у нее Ивашко Кочевряжко (Онч., 73 — Арх.); Яга обладает источником живой воды (Сок., 143 — Волог.); Яга — хозяйка трех источников в змеином царстве, один из них с «живой водой, с молодой» (Сок., 140 — Волог.) — 3 текста.

6. *Баба-Яга — воительница* (соответствует 1-му типу: Яга — воительница, по Н. В. Новикову) устраивает героям испытания, побеждает героев (иногда условно): богатырка Яга является к богатырям по ночам, требуя с ней побойтаться (Онч., 34 — Арх.); Яга уничтожает богатырей-соперников, превращая их в серый камень (Онч., 4 — Арх.); Яга испытывает женихов девиц-голубиц (Крн., 141(1) — Арх.) — 3 текста.

7. *Баба-Яга — сверхъестественное злое существо*, обладающее как большой физической, так и магической силой (соответствия нет, так как предложенный Н. В. Новиковым 4-й тип: Яга — злая чаровница, подходит лишь условно); к этому типу отчасти можно отнести текст, в котором Яга проявляет себя как колдунья, которая борется за власть (Крн., 141(2) — Арх.), но остальные тексты, как нам кажется, даже частичного совпадения не дают: Яга — мать побежденных героем змеев пытается уничтожить богатырей-обидчиков с помощью магии своих невесток, а затем собственными силами (Онч., 27 — Арх.); Яга, уничтожающая любого незваного гостя, оказавшегося в ее владениях (Онч., 44, 71 — Арх.; Онч., 152 — Олон.), — 5 текстов.

Локусы, где появляется Баба-Яга или где проявляется ее сила

В части текстов, в которых Баба-Яга предстает в роли мачехи, местом ее активных действий является родной дом падчерицы, т. е. «свое» пространство для героини, но «чужое», в которое внедрилась Яга и которое она собирается сделать «своим». Захватывая родное пространство падчерицы, Яга «выталкивает» последнюю в пограничное или «чужое» пространство, традиционно оказывающееся: *лесом* (Баба-Яга отсылает падчерицу в лесную избушку, где обитает «нехороший» (Смр., 42 — Волог.)); *полем* (превращенная в гусыню падчерица кормит свое дитя в чистом поле под ракитовым кустом (Аф., 101 — Арх.)); *берегом реки* (обращенная рысью падчерица кормит своего мальчонку «на реки» (Смр., 41 — Волог.)); *баней и морем* (Яга «бабит» в доме, но, принимая чудесных детей у падчерицы, уносит их в баню, а вместо них (из бани?) приносит к роженице обычных детей; впоследствии они разделят судьбу падчерицы — их вместе бросят в бочке в море (Крн., 69; Сим., 37 — Арх.; Б., 46 — Мурм.; Раз., 11 — Олон.)).

В случаях, когда Баба-Яга, не будучи мачехой, приходит к героине «бабить», место действия обладает своеобразной двойственностью: это территория чужого рода, с одной стороны, и пограничное пространство, в котором происходят роды, с другой (Сим., 8 — Арх.). Для роженицы пространство родин, как место, в котором снимается защита, является опасным. Но для Яги, трактуемой как персонаж пограничный или полностью иномирный, выталкивание объекта в пограничное, или «чужое», пространство становится важнейшим условием к исполнению задуманного. Большинство текстов на мотив подмены царской невесты (сестрицы) подтверждает, что Баба-Яга расправляется с объектом своей агрессии, выманив его предварительно в пограничное пространство: обращение героини в лебедушку производится на мосточках (за порогом родного дома) (Б., 22 — Мурм.); Яга уговаривает молодую королеву пойти купаться на берег моря и сталкивает ее в воду (боязнь воды у королевы обоснована — она обещанная, но сбежавшая жертва водяному) (Крн., 64 — Арх.); Яга уговаривает молодую жену Ивана-царевича пойти в баню: «...у меня водушка клюцева, венчик шелковой», а в бане запаривает, почти топит в реке и затем едва живую закапывает на берегу реки (КС, 16 — Олон.) и т. д.

Если вышеупомянутые тексты дополнить всеми теми, в которых Баба-Яга расправляется со своими жертвами («у воды»), становится очевидным, что это ее излюбленное место действий. Так, в большинстве случаев, именно у воды она похищает детей: на берегу реки отлавливает Иванушку (Крн., 74 — Арх.); на берегу озера (ее собственного(!)) хватает Алешку (Б., 105 — Мурм.); к берегу выманивает укуванным «под матушкин» голосом Митошку (ВС, 21 — Волог.); на берегу «перенимает» Лишанушку, когда река уносит его лодочку (Нкф., 64 — Арх.); объявляется у реки, где похищает Митошку и уносит в свою лесную избушку (Смр., 40 — Волог.). На воде Яга заманивает богатырей, приняв облик золотой птички, и, когда они выходят на берег, обращает их в камень (Онч., 4 — Арх.). У воды Яга подменивает царских дочерей (533 А): на берегу ручейка (Нкф., 80 — Арх.); на берегу лесной речушки или озера (Раз., 59 — Олон.). И царских невест она встречает и превращает в рыб или птиц (водоплавающих(!)) у воды и на воде (403 А): «...на [морском] острове выбежала на берег женщина и кричит (а это Баба Яга)»; оказавшись на корабле, она превращает невесту в лебедушку (Раз., 20 — Олон.); во время пути невесты к жениху, пока корабль плывет по морю, Яга превращает царевну в щуку (Ржд., 9 — Арх.); набившись в попутчицы, во время плавания по морю Яга оборачивает невесту в щуку (Сим., 45 — Олон.).

Вторым по значимости местом, где Баба-Яга, будучи «у себя» (там обычно находится ее избушка), свободно проявляет свою силу, разумеется, является лес (Крн., 85, 87, 141(1) — Арх.; ВС, 18 — Волог.).

Наконец, «иномирье» как «свое» пространство Яги может локализоваться там, куда традиционное сознание помещает мир мертвых — *под землей* или *на небе*. Среди рассматривавшихся таких текстов совсем немного, но все-таки они есть: в двух сказках проникновение в этот мир происходит благодаря «проседанию» героинь сквозь землю (Онч., 44; 71 — Арх.); в третьей — герой оказывается в подземелье (правильнее было бы сказать «подземье»), куда его бросили братья (КС, 15 — Олон.); в одном тексте брат с сестрицей забираются на небо по стеблю проросшей горошины (Смр., 43 — Волог.).

Время

Поскольку время неизбежно коррелирует с местом, справедливо предположить, что временной момент, который Баба-Яга избирает для своих агрессивных действий, не может быть случайным. Это может быть *бесконтрольное* время или *переходное время суток* (полдень, вечер), или, как уже говорилось выше, Яга появляется и проявляет агрессию к героине/герою в *переходные мо-*

менты ее/его жизни: переходный возраст, сиротство, брачный возраст (сговоренность), послесвадебный период, время родин и т. п. Так, например:

Яга появляется в бесконтрольное время (безвременье — временной хаос, тот же «порог») (Крн., 87 — Арх.; Смр., 43 — Волог.); действие происходит в междущарствие (Крн., 141(2) — Арх.); действие происходит в подземелье, где время течет по-иному (то же безвременье) (КС, 15 — Олон.);

Яга подделывается под матушку Митошки, которая приносит мальчику есть, т. е. появляется у реки на «пабедье» (в полдень) (Смр., 40; ВС, 21 — Волог.);

Яга оборачивает героя в камень после мытья в бане, когда он купается после парилки в озере (защита снята, герой раздет и расслаблен, бдительность утрачена, не случайно, согласно народным представлениям, «парное тело» — любимая добыча Водяного (Онч., 4 — Арх.);

Яга совершает подмену девушки, когда та находится в переходном возрасте (Нкф., 80 — Арх.; Раз., 59 — Олон.); появляется и противостоит героям в период поиска невест (брачный возраст) (Крн., 141(1) — Арх.);

Яга оборачивает в лебедушку просватанную невесту (Б., 22 — Мурм.; Раз., 20 — Олон.); оборачивает в шуку просватанную невесту (Ржд., 9 — Арх.; Сим., 45 — Олон.);

Яга вмешивается в судьбу героини в послесвадебный период (Крн., 64 — Арх.; КС, 16 — Олон.);

Яга появляется и вмешивается в судьбу героини в момент ее переходного, открытого состояния (во время родов) и подменяет детей (изменение судьбы новорожденных) (Сим., 8, 37 — Арх.; Б., 46 — Мурм.; Раз., 11; КС, 14 — Олон.).

Есть тексты, в которых отмечается наслоение (совмещение) или даже череда переходных состояний, когда герой/героиня перманентно пребывает в таком состоянии, например: падчерица — заневестившаяся сирота; она выходит замуж и возвращается на послесвадебный период в родительский дом, где дожидается времени родин (Аф., 101; Крн., 69 — Арх.). Понятно, что героиня является постоянным объектом Яги на протяжении всего этого пролонгированного переходного состояния.

Конец Бабы-Яги

Сказочная концовка, которая традиционно следует правилу «добро всегда побеждает, а зло должно быть наказано», предполагает обязательное разоблачение и наказание Бабы-Яги — отрицательного персонажа. Способы, которыми расправляются с Ягой торжествующие герои, оказываются довольно разнообразными. По большей части эти способы напоминают казнь по справедливому суду, которую применяли к злостным преступникам и обвиненным в колдовстве в соответствии со средневековым обычным правом. Нередко Яга наказывается тем самым способом и средством, которые намеревалась применить к своим жертвам, т. е. смерть Яги находится в соответствии с задуманными или совершенными ею злодеяниями. Если же смерть настигает Ягу в погоне за героем/героиней, она, как правило, представляется смертью по заслугам, хотя и выглядит внезапной и реализуется при помощи волшебных предметов самим героем/героиней или их помощниками.

Яга-людоедка чаще всего *сгорает в печи*, т. е. принимает смерть, которую готовила для пойманных ею детей: (Смр., 40 — Волог.; Нкф., 85 — Арх.); Митошка «...как шаркнул Бабу-Ягу в печь, она там и сдохла» (ВС, 21 — Волог.); Алешка сжигает Ягишню в печи, забирает все добро домой (Б., 105 — Мурм.); Иванушка сжигает Ягу в печи (Крн., 74 — Арх.); Алексанко жарит Ягу в печи, и ее по ошибке (как «жаркое» из Алексанка) съедают ее собственные сыновья (Онч., 38 — Арх.) и т. п. Существуют варианты, когда маленький герой

не может справиться с Ягой и сбегает, сумев лишь на время ее задержать, но погоня всегда оказывается для Яги неудачной, она *остается ни с чем*. Так, например, Лишанушка не смог заправить Ягу в печку, он убегает: «подпер избу, и она долго не могла выйти...», а выбравшись, догнать не смогла (Нкф., 64 — Арх.).

Смерть Яги в погоне за героем/героиней также нередко происходит *от огня*: Яга сгорает в огненной реке (КС, 15 — Олон.); Егибову сжигает костерок (Крн., 87 — Арх.). Случается, что она погибает от руки чудесного помощника героя: старичок перерезает «портно», по которому он и героиня перебираются в «свой» мир через реку, и Яга гибнет *в воде* (Онч., 44 — Арх.).

Яга-обманщица, пытавшаяся устранить царицу и заместить ее своей дочерью или занять освободившееся место сама, подменявшая чудесных царских детей, разлучавшая мужа с женой и т. п., такая Яга принимает смерть:

а) *в огне* — царь, узнав правду, зовет Ягу на прогулку и сбрасывает в яму с кипящей смолой (Ржд., 9 — Арх.; Сим., 45 — Олон.); узнав правду, Иван-царевич разжигает в яме огонь, застилает сукном и по пути в баню сталкивает Ягу в ту яму (Раз., 20 — Арх.);

б) ее *разрывают на части*: Иван-царевич разрывает Ягу пополам (Крн., 141(2) — Арх.); Ягу и ее дочь привязывают к бешеным жеребцам, которых выпускают в чистое поле (Крн., 64 — Арх.);

в) ее *расстреливают на воротах* (не ясно почему, но именно такой способ расправы с ведьмами встречается во многих сказках): Яженю расстреливают (Раз., 11 — Олон.); братья узнали правду и «Ягу-бабу взяли на ворота, расстреляли...» (Раз., 59 — Олон.); когда правда выходит наружу, Егибову расстреливают на воротах (Крн., 69 — Арх.); когда Иван-царевич разыскал жену и детей, возвратился во дворец и «Яицнну-Бабицнну на воротах пострелил» (КС, 14 — Олон.); «Иван-царевич Ягицнну-Бабицнну на воротах пострелил» (КС, 16 — Олон.). Если не на воротах, но все равно «стреляют», хоронят Ягу в таком случае как потенциально опасного покойника, что соответствует народным представлениям о возможной активности ведьм после смерти: старик выстрелил из ружья, «тут Еги-баба и ноги протянула. Закопали ее на задворье и палку (осиновый кол? — А. Н., М. Р.) на могиле поставили» (ВС, 18 — Волог.).

Яга-колдунья или сверхъестественное существо чаще всего и *гибнет от колдовства*: герой опережает Ягу и произносит формулу заклинания раньше: «...,Быть ты, Яга-баба, лежать серым камнем отныне и до-веку». И пала Яга-баба на землю, стал горячий камень» (Онч., 4 — Арх.); «А эта змеевка полетела и разбилась» (Б., 22 — Мурм.); чудесный помощник героя превращает Ягу при помощи волшебного зелья в камушек, прячет его в волшебную бутылочку, навсегда избавляя героя от Яги (Онч., 152 — Олон.), и т. д. Возможна и иная концовка: Яга *теряет свою колдовскую силу и исчезает* (Ивашко забрал у Бабы-Яги перстень, саму отпустил и счастливо женился, «...а Яги-бабы больше не видал» (Онч., 73 — Арх.)).

Яга-воительница принимает *смерть в поединке*: Иван схватил Ягу да и бросил о пол, «... схватил меч, ударил мечем и всю разнес ей, жизни не стало ейной» (Онч., 34 — Арх.), или герои побеждают в поединке и затем *казнят как преступницу*: Иван привез Бабу-Ягу к старику, заковал цепью, бил железными прутами, пока она не вернула деду глаза, а затем «засек ее до смерти» (Онч., 241 — Арх.); «...схватил Бабу-Ягу, давай правду пытаться. Тут она и покаялась. Он ей голову снес» (Крн., 141(1) — Арх.); «...нагнул Мишка осину, выворотил с корнем, согнул: Ягу пихнул под корень — ей и могила тут; отпустил осину да хлопнул корнем» (Сок., 143 — Волог.; по сути дела, здесь дается описание «покоренения» — одного из древних способов казни преступников).

Ряд текстов позволяет судить о том, что сказочная традиция отразила изменения, произошедшие в традиционном взгляде на неотвратимость ужасного наказания (смерти) за ужасные поступки, — неудача, которую терпит в своих

действиях Яга, становится лучшей расплатой: царь узнает свою жену с детьми, семья воссоединяется, а Яга остается ни с чем (Б., 46 — Мурм.). Подобная концовка характерна для сюжета про падчерицу: замыслы Яги-злой мачехи не удались, падчерица возвращается, откуда не должна была вернуться, с богатыми дарами или счастливо выходит замуж, а родная дочь Яги, наоборот, находит смерть (Смр., 42 — Волог.; Онч., 108 — Олон.).

Дочь Яги может принимать смерть наравне с Ягой (как правило, это наказание является характерным в сюжете с подменой царской жены или невесты): король привязал Ягу и ее дочь к 12 бешеным жеребцам и пустил во чисто поле (Крн., 64 — Арх.); когда царь узнает правду, он велит вырыть яму 40 сажен глубины, 40 сажен ширины и сталкивает Егабову с дочерью с повозки в яму, а слуги их зарывают (Нкф., 80 — Арх.). Как вариант встречается концовка, в которой за материнские и собственные деяния расплачивается дочь Яги, сама же Яга смерти избегает, но, как уже говорилось, остается ни с чем, например: муж, расколдовавший свою настоящую жену, расстреливает дочь Яги на воротах, а Яга остается ни с чем (Аф., 101 — Арх.); Яга остается ни с чем, а ее дочь, которой она пыталась подменить царицу, царь сжигает в яме (Сим., 8 — Арх.); муж снимает заклятье с жены-рыси, дочь Яги расстреливают, а сама Яга остается ни с чем (Смр., 41 — Волог.); дочь Яги сажают на ворота и расстреливают, а о Яге более ничего не известно (Смр., 43 — Волог.).

БАБА-ЯГА — ПОМОЩНИЦА (ДАРИТЕЛЬНИЦА)

Образ Яги-помощницы героя, по сравнению с Ягой-противницей, обладает, с одной стороны, ярко выраженной спецификой, а с другой — у них выявляются немало сходных черт, что отмечалось еще А. А. Потебней, Н. В. Новиковым и др. В. Я. Пропп, подробно рассматривая в первую очередь образ Яги — помощницы героя, делал акцент на связи Яги с царством мертвых²⁷ (лес — «пограничная застава» между мирами; связь образа Яги с обрядом посвящения; избушка на курьих ножках; реакция на запах («дух») героя; костеность и слепота Яги; функциональная связь образа Яги с духами-«хозяевами»; испытывание героя, и т. д.). Проследим, как указанные параметры отражены в севернорусских текстах. Остановимся подробнее на обращении героя к Бабе-Яге и на информации, которую можно извлечь из диалога Яги с героем, а также на таких дополнительных аспектах, как цель, с которой герой отправляется в путь, и временные параметры (время контакта, время начала активного действия героя и т. д.).

Исходные источники:

Арх. обл.: Аф., 128(301 А), 157(302/1), 174(551), 175(551), 178(551); Крн., 14(301 А + 400 А), 46(531 + 400 А); Нкф., 41(313*С), 49(313 А), 51(329, *313.1), 63(480 А), 66(329), 86(400 А), 131(301 А); Онч., 8(551); Ржд., 38(480 А); Сим., 11(313 С).

Волог. обл.: Аф., 235(432); ВС, 11(313 А), 33(400*В); Г., 16(425), 17(400 В); Сок., 55(400 В), 66(313 А), 139(551); Смр., 1(551), 26(302), 35(400 А).

Мурм. обл.: Б., 1(432), 7(400 А), 27(551), 33(621), 43(551); 57(*400 В), 59(425 А + 432 + 313 Н*), 65(400 А), 88(432); Крг., 7(402 + 400 А), 9(А 329), 10(551).

Олон. губ.: КС, 6(551), 7(551), 9(465 А); Онч., 167(552); Раз., 12(400*В), 35(551 + 301 А), 67(425 А), 69(480 А).

Общее количество текстов по областям/губерниям 48 (Арх. — 17; Волог. — 11; Мурм. — 12; Олон. — 8).

²⁷ Пропп В. Я Исторические корни. . С. 53.

Наименования Бабы-Яги

В первой части статьи уже говорилось о значении имени персонажа для определения функциональных характеристик Яги-противницы. Теперь обратимся к статистике, выявленной по Бабе-Яге-помощнице в рассмотренных текстах. Данные в достаточной мере показательны, если иметь в виду известное замечание В.Я. Проппа о том, что «типичная яга» может быть названа «просто старушкой, бабушкой-задворенкой и т. д. Иногда в роли яги выступают животные (медведь) или старик и т. д.»²⁸

Баба-яга (Аф., 178 — Арх., 235 — Волог.; Б., 7, 65, 88 — Мурм.; ВС., 11 — Волог.; Г., 16, 17 — Волог.; Крн., 14 — Арх.; Нкф., 86 — Арх.; Онч., 8 — Арх.; Раз., 69 — Олон.; Сим., 11 — Арх.; Смр., 1 — Арх., 35 — Волог.; Сок., 55, 66, 139 — Волог.); *старая Баба-яга* (Аф., 178 — Арх.); *Яга-баба* (Аф., 128 — Арх.; Раз., 67 — Олон.); *ягая баба* (Б., 1, 57 — Мурм.); *Егибова* (Нкф., 63 — Арх.); *старуха* (Аф., 157 — Арх.; Б., 1, 33 — Мурм.; КС, 6 — Олон.; Крг., 7, 9, 10 — Мурм.; Нкф., 51 — Арх.; Онч., 167 — Олон.; Смр., 35 — Волог.; Сок., 55 — Волог.); *старуха* брякнулась о землю — *сделалась красавицей* (Сок., 55 — Волог.); *бабушка-задворенка* (Аф., 157, 175 — Арх.); *старушка* (Б., 7, 43, 59, 88 — Мурм.; КС, 6 — Олон.; Крн., 46 — Арх.; Крг., 9 — Мурм.; Нкф., 41, 49, 66, 131 — Арх.; Раз., 12 — Олон.; Ржд., 38 — Арх.; Смр., 26 — Волог.; Сок., 55, 66, 139 — Волог.); *девица* (ВС, 33 — Волог.; КС, 9 — Олон.); *красная девица* (КС, 9 — Олон.); *хозяйка* (Сок., 139 — Волог.).

Часть названий (19 из 59: Арх. — 7; Волог. — 8; Мурм. — 3; Олон. — 1) делает смысловой акцент на слове *баба* (+ *бабушка-задворенка* — 2 Арх.) или *старуха* (*старушка*) (28 из 59: Арх. — 8; Волог. — 6; Мурм. — 10; Олон. — 4), т. е. не на родовой принадлежности, а на сущностной и половозрастной. В двух случаях это — *девица* (Волог.; Олон.) и в одном — *хозяйка* (Волог.). Только в 5 случаях имеем название Яги-помощницы, образованное по типу Яги-противницы: *Яга-баба* (Арх. — 1; Олон. — 1); *Егибова* (Арх. — 1); *Ягая баба* (Мурм. — 2). Но такое название встречается лишь в тех текстах, в которых по сюжету сталкиваются оба типа: Яга-помощница и Яга-противница действуют как антагонисты друг другу, хотя их антагонизм проявляется не напрямую, а через героя. Таким образом, общая картина наименований Яги-помощницы героя оказывается прямо противоположной данным по Яге-противнице.

Обращение героя (героини) к Бабе-яге

Если в текстах, где герой взаимодействует с Ягой-противницей, прямое обращение к ней практически отсутствует и не имеет определяющего характера, то там, где герой начинает контакт с Ягой-помощницей, обращение необходимо, оно присутствует в большинстве случаев и играет важную роль. Подчеркнем, что нами рассматриваются не сами формулы обращения, но присутствующая в них статусная либо оценочная номинация Яги героем.

В большинстве случаев форма обращения героя к Яге нейтральна. И лишь в шести случаях это обращение носит откровенно грубый характер, что свидетельствует о трансформации традиции, так как грубое обращение героя к Яге изначально должно было продемонстрировать не вежливость или следование этическим нормам, а силу.²⁹

²⁸ Там же. С. 52.

²⁹ В. Я. Пропп отмечал, что система испытаний в сказке отражает древнейшие представления о том, что магически «можно вынудить вход в иной мир». И, что немаловажно для понимания функциональной специфики обоих образов — как Яги-помощницы, так и Яги-противницы — по отношению к герою / героине, «дело вовсе не в „добродетели“ и „чистоте“, а в силе». При этом Пропп, скорее всего, имел в виду совершенно определенное значение силы,

Баба (баба стара) (Б., 65 — Мурм.; Сим., 11 — Арх.); *бабенка* (КС, 6 — Олон.); *бабка* (Смр., 1 — Арх.); *бабуся* (Аф., 235 — Волог.; Г., 16 — Волог.); *бабушка (баушка)* (Аф., 128, 157 — Арх.; Б., 1, 7, 27, 57 — Мурм.; ВС, 11 — Волог.; КС, 7 — Олон.; Крн., 14, 46 — Арх.; Крг, 7, 9, 10 — Мурм.; Нкф., 41, 51, 86 — Арх.; Раз., 35 — Олон.; Смр., 1 — Арх., 26 — Волог.; Сок., 66, 139 — Волог.); *бабушка-задворенка* (Аф., 175 — Арх.); *бабушка, богоданная матушка* (Онч., 8 — Арх.); *бабушка-яга, одна ты нога* (Сок., 139 — Волог.); *старушка* (КС, 6 — Олон.); *старуха* (Аф., 157 — Арх.); *тетушка* (Крг., 10 — Мурм.), *старая сука* (Аф., 157 — Арх.); *старая хрычовка* (Б., 65 — Мурм.); *ведьма негодная* (КС, 9 — Олон.); *старая ведьма* (Крг., 10 — Мурм.); *старая чертовка* (Смр., 35 — Волог.; Сок., 55 — Волог.).

Названия, содержащие в той или иной форме элемент *баба (бабушка)*, встречаются в 30 текстах. Из них в трех случаях добавляются уточняющие детали: *бабушка-задворенка*; *бабушка-яга, одна ты нога*; и даже *бабушка, богоданная матушка* (т. е. крестная мать(!)). В двух случаях встречается обращение с корнем «стар-»: *старуха, старушка*; в пяти — грубое (которое спорадически фиксируется в текстах по всем областям): *старая сука*; *старая хрычовка*; *старая ведьма*; *старая чертовка*. В двух случаях именование указывает на ведьмовской статус: *ведьма негодная*; *старая ведьма*, и лишь в одном случае — на статус родственный: *тетушка*.

Путь к Бабе-Яге

Так как Яга-помощница является стражем того недоступного безжизненно-го мира, куда направляется герой, она «назначена» сторожить вход в него и оказывается, по выражению В. Я. Проппа, «передовой заставой» на пути к царевне. Это объясняет ее привязанность к определенному месту (избушка), а также ее относительно пассивное в отличие от Яги-противницы состояние: «Мы уж от чаревны приставлены сторожа, штобы ворон не пролятывал и молодец не проскакивал... Да, а мне уж тебя приходитце пропустить, потому што ты есть мой племянничек, скрыть от чаревны» (Крг., 10); «я из сестер есть старшая, то много на меня ответственности, я не должна никого пропускать» (Крг., 10).

Герой может попасть туда только случайно: «...ну уж не знай как ты, племянничек, случайно ко мне попал» (Крг., 10); «а ты откуль такой взялся, что нечаянно-негаданно зашел в избу?» (Б., 65; Смр., 26) и т. п.

Описание пути к Бабе-Яге имеет формульный характер: «Едет он дале-ким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается» (Аф., 157 — Арх.); идет красная девица «темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьется» (Аф., 235 — Волог.); «лапти растоптала, просвиру разгрызла, посох исчиркала, железу шляпу вороны рас-клевали» (Б., 33, 88 — Мурм.; КС, 9 — Олон.); «стали лапти протапываться, стал посох приламываться, стала шляпа прогнаиваться, стала просфора прогры-заться» (Б., 57, 59 — Мурм.; Раз., 12 — Олон.); «ехал, ехал, ехал баш день, ли-бы два и доехал» (Онч., 8 — Арх.); «идут далеко ли-близко, высоко ли-низко, против неба на земле, на ровном месте, как на бороне. Идут лесами да болота-ми», стоит избушка» (Сок., 66 — Волог.).

Неизменно и довольно равномерно по всем областям подчеркивается дли-тельность пути и отдаленность, чуждость искомого пространства.³⁰

известное как оранда или ману и т.д., говорящее о готовности героя к инициации или свиде-тельствуемому об успешном прохождении таковой (Там же. С. 79).

³⁰ Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке : (На мате-риале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 191—213; Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Там же. С. 214—248.

В диалоге с героем указывается на труднодоступность места проживания Яги: «никакой *черный ворон мимо не пролятывал, добрый молодец мимо не прохаживал*» (Б., 88, 59, 65 — Мурм.; Крг., 10 — Мурм.); «в нашу сторону, в наше место *ворон русской кости не занашивал*» (Онч., 8 — Арх.); «здесь *птицы не пролятывают*, а не то что люди проходят» (Б., 43, 57 — Мурм.); «мимо меня ни *конной не проезживав, ни пешой не прохаживав, птица не пролетывала, зверь не прорыскивал*» (Б., 65 — Мурм.; Смр., 26 — Волог.).

Тексты, в которых встречается мотив труднодоступности жилища Яги, относятся в основном к Мурманской области (+ 1 — Арх., 1 — Волог.).

Место обитания Яги-помощницы

Избушка для Яги-помощницы является постоянным атрибутом. При описании жилища Яги учитывается его: а) местонахождение; б) внешний вид; в) положение в пространстве.

Избушка Яги находится: *под землей* (Аф., 128 — Арх.); *в лесу* (Аф., 235 — Волог.; Б., 1 — Мурм.; Г., 17 — Волог.; Крн., 46 — Арх.; Крг., 7, 9 — Мурм.; Нкф., 63, 131 — Арх.; Онч., 8, 67 — Арх.; Ржд., 38 — Арх.; Сим., 11 — Арх.; Раз., 67 — Олон.; Сок., 66, 139 — Волог.); *в дремучем лесу* (Г., 16 — Волог.); *у болота в лесу* (Нкф., 86 — Арх.); *в лесу, около озера, около лесу* (Нкф., 49 — Арх.); *в поле* (КС, 6 — Олон.); *в зеленых лугах* (КС, 6 — Олон.); *в одном городе* (Сок., 55 — Волог.).

Тексты показывают, что, как отмечал и В. Я. Пропп, «лес — постоянный аксессуар яги» (19 текстов из 23, т. е. практически повсеместно). Он играет роль задерживающей преграды, «сети, улавливающей пришельцев»,³¹ преграждает им путь в царство мертвых.

Необходимо отметить, что в текстах с Ягой-противницей фактически полностью отсутствуют описания ее жилища, в то время как тексты с Ягой-помощницей такими описаниями изобилуют. Избушка Яги обладает целым рядом характерных признаков: «стоит двор, что город, изба — что терем» (Аф., 157, 178 — Арх.; Нкф., 51 — Арх.); «избушка на курьих ножках»³² (Г., 17 — Волог.; Нкф., 63 — Арх.; ср. Сим., 11 — Арх.); «в лес лицом, а сюды воронцом» (Онч., 167 — Олон.); «... на петушьей головке» (Б., 1, 7, 27, 33, 57, 59, 88 — Мурм.; Ржд., 38 — Арх.; Смр., 1 — Арх.); «стоит и вертитце» (Крг., 9 — Мурм.; Раз., 69 — Олон.; Крг., 10 — Мурм.; Нкф., 86 — Арх.); «стоит... на петушьей голяшке»; «эта избушка стоит к лесу передом, а к нему задом» (Сок., 55 — Волог.); «пришла ... на тынной пятке» (Крн., 46 — Арх.); «стоит... на берестяных пятках» (Раз., 12 — Олон.); «стоит ... об одном окошке, на сыром говёшки, и вокруг вертится» (Онч., 8 — Арх.); «стоит перед ней чугунная избушка ... и беспрестанно повертывается» (Аф., 235 — Волог.; Г., 16 — Волог.); «избушка на курьей лапке, на веретенной пятке» (КС, 9 — Олон.); «избушка на курьей ножке об одном окошке, к лесу глазами, туда воротами, к нам крыльцом, туда концом» (Нкф., 131 — Арх.); «стоит терем, избушка на курьей ножке, на собачьей голёшке» (Сок., 139 — Волог.); «на турьей ножке, на веретенной пятке» (КС, 6, 7 — Мурм.); «увидел фатерку на веретённой пятке: туды тынцём, сюды крыльцём; стоит и вертитце» (Крг., 7 — Мурм.).

Таким образом, как место расположения жилища Яги, так и его описание в рассмотренных текстах подчеркивают его необычность и принадлежность

³¹ Пропп В. Я. Исторические корни С 57

³² На Русском Севере курица — популярный персонаж святочного ряжения. Курица выступает и в качестве строительной жертвы. В целом у славян курица — птица, наделяемая брачно-эротической символикой, демоническими чертами и выступающая в ритуалах маркером «переходных» состояний, процессов. Ошипав и опалив курицу, сразу отсекают и выбрасывают ее ноги (часто вместе с головой). (Славянские древности: Этнолингвистический словарь 2004 Т 3 С 60—61)

«иному» миру: стоит в лесу (поле, зеленых лугах, у болота, под землей, в городе) избушка (чугунная — 2; «изба — что терем» — 3; «фатерка» — 1); «на курьих ножках» (курьей ножке, лапке — 20, турьей ножке — 2); «на петушьей головке» («голяшке») — 15 текстов («собачьей голяшке» — 2, «сыром говёшки» — 1); «на веретенной» пятке — 4 текста («тынной» — 1, «берестяных» пятках — 1); «об одном окошке» — 2; «к лесу передом, а к нему задом» («в лес лицом, а сюды воронцом»; «туды тынцём, сюды крыльцём»; «к лесу глазами, туда воротами, к нам крыльцом, туда концом») — 4, «стоит и вертитце» («и вкруг вертится»; «и беспрестанно повертывается») — 8 текстов.

Постоянным признаком жилища Яги являются «курьи ножки» («петушья головка» («голяшка») и др. — 39 текстов), менее выраженным — положение в пространстве к лесу передом, к герою задом (4 текста) и вращение (8 текстов). Но подчеркнем, что пограничное местоположение жилища Яги (если таковое имеется) отмечено практически во всех текстах, включая тексты с Бабой-Ягой-противницей.

О зооморфном характере избушки Бабы-Яги как о «пасти» или «чреве», где происходит инициация или посвящение героя, равно как и о ее роли «пограничной заставы» между мирами, сказано у В. Я. Проппа.³³ Мотив же верчения-кручения традиционно, с одной стороны, связан с идеей обеспечения плодородия, здоровья и благополучия; с другой стороны, находится в связи с представлениями о нечистой силе, демонах, а также о местах их обитания, способах перемещения в пространстве, о влиянии на человека, скот и пр.

Отметим, что рассмотренный материал по описанию жилища Яги не демонстрирует ярко выраженной областной специфики, за исключением того, что, как указывалось выше, такие описания присутствуют только в текстах с Бабой-Ягой-помощницей героя.

Обращение к избушке³⁴

Аспект обращения героя к избушке, на наш взгляд, достаточно подробно и полно освещен в работах В. Я. Проппа и Н. В. Новикова. Основные разновидности формулы обращения героя к избушке на севернорусском материале следующие: «В сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился» (Аф., 157 — Арх.); «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!» (Аф., 128 — Арх., 235 — Волог.; Онч., 167 — Олон.; Сок., 66, 139 — Волог.); «Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом» (Сок., 55 — Волог.); «Остойся, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами» (Онч., 8 — Арх.; Крг., 7 — Мурм.); «Избушка, избушка, повернись сюды лицом, а туды (к лесу) воронцом» (Онч., 167 — Олон.) и т. п.

Ярко выраженной областной специфики это обращение также не имеет.

В текстах, где Яга играет отрицательную роль по отношению к герою, подобные формулы не зафиксированы.

Облик Бабы-Яги

Если в текстах с Бабой-Ягой — отрицательным персонажем можно наблюдать почти полное отсутствие каких бы то ни было описаний Яги, то тексты с Бабой-Ягой — помощницей, напротив, демонстрируют в этом отношении разнообразие и многоплановость. Поскольку речь идет об облике, соответственно предполагается описание не только внешних, но и внутренних составляющих образа. Отметим, что практически все описания отличает, если можно так ска-

³³ Пропп В. Я. Исторические корни... С. 58—64.

³⁴ О магии слова и функции формулы обращения к избушке см. Там же. С. 62—63.

зять, чуть ли не «экспрессионистская» манера изображения — внешность Яги характеризуется одним или несколькими яркими штрихами, однозначно относящими ее к персонажам явно демонологическим, восходящим к древним мифологическим женским образам.³⁵

Косвенным подтверждением сказанному, возможно, является присутствие при описании в некоторых текстах эмоциональной оценки сказочника, что само по себе действует как очень сильное выделяющее средство, резко повышающее внимание к описываемому объекту: «такая страшна.., что уж и не подумать; ой как страшна...» (Б., 65 — Мурм.; Раз., 69 — Олон.).

Прямого указания на то, что Баба-Яга — великанша, нет, но в текстах почти повсеместно подчеркиваются ее аномальные размеры, гипертрофированность отдельных частей тела, их необычность.

На *исполинские габариты* Яги традиционно указывает то, что она словно заполняет собой все пространство своего жилища: «...〈лежит〉 на печи, из угла в угол» (Аф., 235; Г., 16; Смр., 35 — Волог.); «голова на лавке, ноги в трубе» (Сок., 66 — Волог.); нога костяная (Б., 7, 88 — Мурм.; Крн., 14; Нкф., 86 — Арх.; Раз., 69 — Олон.; Сок., 55 — Волог.); «титки через грядку веснут», грудью «печку затыкает» (Б., 1, 33 — Мурм.); волосами Яга «в печи пашет» (Сок., 55 — Волог.); «глиняная морда...» (Крн., 14 — Арх.; Сок., 55 — Волог.); глаза «на полицки» (Б., 7 — Мурм.); «на опицки» необычайной величины нос, который упирается в потолок, «в потолок врос» (Аф., 235; Г., 16; Смр., 35 — Волог.; Б., 7 — Мурм.), или Яга им «в жаратке копает», «уголья гребет», «в печи мешает» (Б., 1; Крг., 10 — Мурм.; КС, 9; Раз., 69 — Олон.; Крн., 14; Сим., 11 — Арх.); «губы на грядке» (Аф., 235; Г., 16 — Волог.), губами «горшки волочит» (Б., 7, 59 — Мурм.); языком «в печи пашет», «мосток подпахивает» (Б., 1, 7, 59; Крг., 10 — Мурм.; Крн., 14 — Арх.; Раз., 69 — Олон.); один зуб «напереди» (Сок., 55 — Волог., см.: наст. статью, сн. 22) и т. д. Благодаря такому описанию складывается странное впечатление, будто отдельные части тела Яги существуют самостоятельно, живут по дому своей жизнью и даже «срастаются» с ним, наводя на мысль о единстве Бабы-Яги и пространства, в котором она существует, «ее» пространства.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом освоенном телом Яги пространстве главным средоточием всего оказывается печь («печной столб»), причем не в качестве теплого места, на котором пассивно сидят (ВС, 11, 33; Сок., 139 — Волог.; КС, 9 — Олон.) или лежат, но родового очага, пограничного пространства, «перекрестка миров», а также точки слияния мужского и женско-

³⁵ Гипертрофированная грудь свойственна многим другим женским демонологическим персонажам: самодивам, богинкам, ночницам, русалкам, великаншам и др. Кроме того, вкупе с основными функциями Яги-дарительницы напрашиваются аналогии, во-первых, с тремя мифологическими прямыми (3 сестры-яги — три мойры, три парки, три норны и т. п.); во-вторых, со славянской Мокошью, которая, по мнению многих исследователей, в народной мифологии трансформировалась в образ Параскевы Пятницы. Последняя, в частности, обладала следующими признаками: связь с женскими работами (особенно прядением и шитьем), с браком и деторождением (Яга-дарительница покровительствует влюбленным и подсказывает герою путь в царство мифической невесты, у которой от него рождаются чудесные дети), с земной влагой (связь Яги со змеями, а змей — с водой). В Древней Руси в ее честь на перекрестках дорог возводились часовни, называемые *пятницами*, так как она считалась спутником странствующих. Народное воображение наделяет ее демоническими чертами: «высокий рост, длинные распущенные волосы, большие груди, которые она закидывает за спину», и др. У русских Параскева Пятница — покровительница браков, ей молились девушки о хорошем женихе. Согласно одному из народных житий, Параскева Пятница при жизни была повитухой (см. сюжет «Ивашка и ведьма»). В русской традиции Параскева Пятница считалась целительницей болезней, особенно происходящих от колдовства. Русские называли Параскеву Пятницу «земляной и водяной матушкой», приписывая ей власть над водой и источниками. В-третьих, функционально Баба-Яга, как уже говорилось, связана со славянской Мокошью, а последняя — с греческой Гекатой.

го начал.³⁶ Здесь могут возникать и рассматриваться различные реминисценции: от «дозревания» на печи недоношенного младенца до перепекания в печи больного; от приобщения невестки через очаг к роду мужа до родов в печи; от оставления на печи умирать старика до проступания из «тела» печи домового-первопредка.

Предложенное В. Я. Проппом объяснение гипертрофированности тела Яги тем, что «не она велика, а избушка мала», и связанную с этим идею о том, что Яга — мертвец и по аналогии со скандинавской Хелью и германской Перхтой отмечена знаками смерти, свидетельствующими о ее принадлежности к миру мертвых, нельзя признать убедительными. Во всяком случае, на основании рассматриваемых здесь севернорусских текстов. Однако, думается, что некоторые положения могут считаться общими для русской традиции в целом.

Многое в описаниях говорит в пользу того, что Бабе-Яге и ее жилищу свойственна повышенная жизненная активность. Так, например, устойчивым признаком избушки Яги является способность повертываться или даже вращаться (вертеться). Кроме того, нет сомнений, что в избушке не только наличествует, но и активно функционирует печь (ее топят, в ней варят и пекут, причем в подавляющем числе текстов этим занимается, как истинная хозяйка, сама Яга). Следовательно, не может быть сомнений и в том, что это жилой дом, а не склеп или гроб — последний приют мертвого тела, ибо зажженный очаг и поддерживаемый в нем огонь являются столь же неопровержимыми знаками жизни, как и движение.

Что же касается ставшего привычным представления (также следующего из концепции В. Я. Проппа и поддерживаемого Н. В. Новиковым), будто Яге свойственно статичное положение — она-де, как правило, в избушке лежит, — полученные по рассмотренным текстам данные ставят и его под сомнение.

Лежащая Баба-Яга встречается лишь в 6 текстах, причем 5 из них относятся к Вологодской губ., один — к Мурманской. В еще одном мурманском тексте встретила Яга стоящая (Крг., 7), а в большинстве текстов герой/героиня застаёт ее сидящей (Архангельская губ. — 9, Мурманская — 9, Вологодская — 4, Олонецкая — 3). Но и пассивность сидящей Яги по большей части лишь кажущаяся: текстов, когда она просто сидит на печи или на печном столбе — 4 (ВС, 11, 33; Сок., 139 — Волог.; КС 9 — Олон.), в превалирующем же числе случаев она сидит и занимается женской работой — прядет золотую кудель, тонкий шелк и т. п., плетет шелковый пояс (Аф., 178; Крн., 46 — Арх.; Б., 59 — Мурм.; Г., 17; Сим., 11; Сок., 139 — Волог.; КС, 9; Раз., 12 — Олон. или вяжет помело (Г., 17 — Волог.). Возвращаясь к Бабе-Яге лежащей, нельзя не признать, что действия, которые совершаются различными частями ее тела, не могут квалифицироваться даже как состояние относительного покоя.

Кроме того, в ряде текстов Яга идет (Раз., 67 — Олон.), вскакивает, выскакивает, выбегает навстречу герою (Крг., 9, 10 — Мурм.; Онч., 8; Ржд., 38 — Арх.; Раз., 67 — Олон.), при этом она может кричать, шуметь и свистеть (Б., 88 — Мурм.). Это характеризует Бабу-Ягу, скорее, как персонаж демонологический, хотя, напомним, речь здесь идет о Яге — помощнице героя.

³⁶ По мнению В. Я. Проппа, образ Яги восходит к тотемному предку по женской линии. В связи с этим обращают на себя внимание «взаимоотношения» Бабы-Яги с очагом и печью. С очагом Яга связана как предок. «Очаг, — пишет В. Я. Пропп, — появляется в истории вместе с культом предка-мужчины. Очаг, собственно, не вяжется с ягой-женщиной, но вяжется с родоначальницей-женщиной. Очаг как родовой (мужской) признак переносится на образ яги» (*Пропп В. Я. Исторические корни...* С. 78). В народной традиции известны такие запреты, как запрет спать на печи вдовам и девушкам-вековухам (т. е. старым девам), так как это все равно что переспать с мужчиной. С другой стороны, сама печь, как уже говорилось, ассоциируется с женской маткой (см. также: *Johns A. Baba Iaga and Russian Mother // Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 42. N 1. P. 28). Таким образом, наблюдаем соединение и взаимодействие женского, змеино-водного начала Яги с мужской, огненной природой (подобный процесс происходит и в бане — месте соединения двух очистительных стихий).

Наконец, приведем и такой текстовый пример, в котором, делая известную поправку на специфические проявления развлекательной функции сказки, оказываются достаточно ярко выявлены черты присущей Яге живой активности: «...выскочила баба-яга костяная нога, жопа жиленая, м... мылена. Сейчас пернула, стол подпернула, бзднула, штей плеснула, жопой потресла и блинов нанесла,³⁷ накормила-напоила и спать повалила, и стала вестей спрашивать» (Онч., 8 — Арх.). Если к явно обыгрываемой в приведенном фрагменте роли «телесного низа» радушной хозяйки Яги в процессе кормления гостя добавить гипертрофированность некоторых частей ее тела, и прежде всего груди — органа вскармливания потомства, и, словно в противовес ей, носа — известного фаллического символа, которым Яга «в жаратке копает» и «в печи мешает» (а внутреннее пространство печи, особенно устье, оно же жаратка, традиционно ассоциировалось с женским лоном), — все это опровергает представление о том, что Баба-Яга может рассматриваться как одно из воплощений смерти или как мертвец, поскольку таковому должно быть противно все, что связывается с жизнью и ее воспроизведением. Думается, что истина лежит где-то посередине, и если проводить напрашивающиеся параллели с великими богинями древности, то, так же как и они, Яга сочетает в себе жизнь и смерть и обогатывает знанием и силами, дающими возможность трансформировать одно в другое.

Встреча (диалог с героем/героиней)

Практически во всех рассмотренных текстах инициатором диалога, как правило, является Баба-Яга. Почуввав незваного гостя/гостью, она сообщает своим: «Фу-фу-фу! Русским духом пахнет...», что пришедший не остался незамеченным. Внимание привлекает тот факт, что в развернутом виде эта традиционная формула «приветствия» всегда (!) представляет собой угрозу (напомним, что «приветственная» речь исходит из уст Яги — потенциальной помощницы героя). Формула ответа героя, как и положено, не менее традиционна: «Сначала напой, накорми, в бане намой, а потом спрашивай...». Эта начальная часть диалога подробно проанализирована и охарактеризована В. Я. Проппом.³⁸

Что касается приветственной формулы Яги, то данные рассматривавшихся текстов опровергают пропповский тезис о слепоте Бабы-Яги: «...〈она〉 не выслушивает, она выслушивает, так же как она вынюхивает прищельца».³⁹ По данным текстов, говоря о духе (=запахе) героя, Яга ссылается не только на обоняние (нюх): «Словно русским духом пахнет, кто там?» (ВС, 11 — Волог.; Б., 27 — Мурм.; Крн., 46; Смр., 1 — Арх.); «пахнет, съем...» (Г., 17 — Волог.); «...〈русского духу〉 не слыхала. Хороший кусок мяса пришел ко мне!» (Б., 7; Крг., 7, 9 — Мурм.; Раз., 12, 69 — Олон.); «русского духу не хватала, а теперь русский дух ко мне в избу пришел» (Раз., 35 — Олон.; Б., 1 — Мурм.).

Она ссылается и на зрение: «А, руськево духу не видала: руськая коська сама ко мне пришла...» (Сок., 139 — Волог.; КС, 6 — Олон.); «русский дух в очи лезет, глаза копает» (Крн., 46 — Арх.; КС, 7 — Олон.).

³⁷ С испражнениями в славянской мифологии также связан ряд поверий и запретов. Неумение соблюдать опрятность при отправлении естественных надобностей служило знаком принадлежности к дикому потустороннему состоянию. В сказках и быличках распространен мотив превращения «гостинцев», принесенных нечистой силой, в кал (навоз), что характеризует противоположность «того» мира нашему. Таким образом, в данном случае необычное поведение Бабы-Яги является нормальным для персонажа «иног» мира, а пища, доставленная подобным образом, является той самой «нормальной» и иницирующей героя пищей, хлебом «того» мира. Вспомним также о природе и функции комического в фольклоре.

³⁸ Пропп В. Я. Исторические корни. С. 64—69.

³⁹ В русских говорах часто «слышать»=«чувать»=«хватать» (о запахе). См.: Там же. С. 72—73.

В ряде случаев ссылка идет и на обоняние, и на зрение: «...а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочью является, в нос бросается!» (Аф., 235; Г., 16 — Волог.; Б., 1 — Мурм.); «русского духа слыхом не слыхала и видом не видела, а сам ко мне на дом пришел...» (Смр., 35; Сок., 55; ВС, 33 — Волог.; Аф., 157, 178 — Арх.); «русского духу не слышала, а теперь вижу и слышу...» (Крг., 10 — Мурм.; ВС, 33 — Волог.).

Несмотря на то что от тезиса о слепоте Яги-мертвеца тоже приходится отказаться, приветственная формула подтверждает основное положение В. Я. Проппа о чуждости для Яги принадлежащего миру живых героя. То, что Баба-Яга воспринимает его и по запаху (22 текста) и зрительно (13 текстов), свидетельствует, что герой пребывает в момент встречи в пограничном пространстве и в пограничном же состоянии — его трансформация началась, он открыт и доступен восприятию медиатора — стража границы, функционирующего между мирами, и любого существа «иного» мира. Дальнейшая последовательность действий Яги определяется ею в диалоге, как «почуяла, увидела — съела».

Как в ряде текстов с Бабой-Ягой — противницей героя (например, на сюжет 327 С, в котором она выступает в качестве похитительницы детей), Баба-Яга-помощница в традиционной формуле приветствия недвусмысленно проявляет свою людоедскую природу: «На ложку садись да в рот катись!» (ВС, 11 — Волог.; Б., 27 — Мурм.; Крн., 46; Смр., 1 — Арх.); «...сьем, погублю, кости высосу» (Г., 17 — Волог.); «Хороший кусок мяса пришел ко мне!» (Б., 7; Крг., 7, 9 — Мурм.; Раз., 12, 69 — Олон.); «...руська коська сама ко мне пришла. И я этово человека ижжарю, на белой свет не отпущу» (Сок., 139 — Волог.; КС, 6 — Олон.); «сам... пришел, съем-погублю, на белый свет не отпущу» (Смр., 35; Сок., 55; ВС, 33 — Волог.; Аф., 157, 178 — Арх.); «Съем, съем, молодец, давно человечьею мяса не едала» (Крг., 10 — Мурм.; ВС, 33 — Волог.).

Но встречается (причем довольно часто) редуцированная форма обращения Яги к герою, что свидетельствует о тех изменениях, которые претерпела традиция под влиянием смены различных историко-культурных факторов, и в первую очередь под влиянием христианских православных норм: «Здравствуй, удалой доброй молодец!» (КС, 9 — Мурм.; Аф., 178 — Арх.; Онч., 8 — Арх.); «она так и ахнула: «Зачем тебя, дорогой, бог принес сюда?» (Нкф., 41 — Арх.); «Пожалуста!»; «Трудно, тебе, паренек, достать ее» (Нкф., 66 — Арх.); «А куда ты пошоу, земляк?» (Сок., 66 — Волог.); «Куда, добрый молодец, отправился?» (Нкф., 51, 49, 86 — Арх.); «Куда, молодой юнош, едешь?» (ВС, 33 — Волог.); «Куды, Иван, сын крестьянской, пошел?» (Сим., 11 — Арх.); «Куда ты, бажонный, поехал?» (Аф., 175 — Арх.); «Куда тебя, добрый человек, бог понес?» («Куда тебя, дитяtko, бог понес?») (Б., 57, 43 — Мурм.; Нкф., 86, 131 — Арх.; Онч., 167 — Арх.); «Куда ты, девушка-голубушка, пошла?» (Ржд., 38 — Арх.; Б., 59 — Мурм.); «Фу ты, жончѣнка, кака нахальная пришла!.. Куда же ты, женка, идешь?» (Б., 1 — Мурм.); «Баба-Яга заругалась на него, прямо страшно заругалась...» (Б., 65 — Мурм.). Всего: Мурм. — 6; Арх. — 13; Волог. — 2; Олон. — 0 — 21 текст.

Из диалогов видно, что Бабу-Ягу отличает свойственный почтенному возрасту скверный характер, но ее можно уломать-уговорить: «Я живу здесь триста лет, и мимо меня только в тридцать лет проходил один цѣловек. Кто проходит здесь, мимо меня не пройдет, и кто ежели может меня уговорить, тот проходит дальше...» (Крг., 9 — Мурм. и др.). Герой в свою очередь призывает ее: «Ты бы дорожного человека напоила и накормила и на добро поучила» (Смр., 35 — Волог.; Крг., 9 — Мурм.); «Напой, накорми и на дорожку надели...» (ВС, 33 — Волог.). Умение уговорить или правильное, соответствующее ожидаемой реакции речевое поведение героя (не «побоялся», выражаясь языком гоголевского Хомы Брута, и, значит, силен) проявляется прежде всего в формуле ответа на «приветствие» Яги: «Напой, накорми и на дорожку надели...» (ВС, 33 —

Волог.) и т. д. Это те самые слова, которые можно считать ключевыми и которыми можно, как считал В. Я. Пропп, «вынудить вход в иной мир».

По сути дела, Яга подвергает героя одному из древнейших испытаний — испытанию страхом: «Что, добрый человек, задала тебе страху! А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать» (Аф., 157 — Арх.). А героине в отличие от героя она задает задачи: «Девница, да поди-тко, поди, красная, затопи-ко баенку, да намой-ко у меня ребятишек, у меня семеро детей да семь сыновей. <...> Решетом воду носи да решета не обмочи» (Раз., 69 — Олон.); «...<велит> затопить байну»; «дров наколоть без стуку, байну истопить без дыму, воды наносить решетом». Искупать ее детей — «скакуш да лягуш» (Нкф., 63 — Арх.); «Давай, отдохни, да баинку истопи, да детей моих перемой... — Ну, деточки, каково вас новая няня намыла?» (Ржд., 38 — Арх.).

Когда герой выдерживает испытание, поведение Яги резко меняется: герой признается «своим» и на правах «своего» может рассчитывать на ее помощь: «Так ты есть мой племянничек. Скажи, куда ты идешь, и для тебя я все сделаю» (Крг., 10 — Мурм.); «Для хороших людей могу дать <волшебную палочку>, и помогу я тебе в этом деле» (Нкф., 66 — Арх.); «Наутро напоила чаем, дала паечек на дорогу...» (Нкф., 41 — Арх.; Крг., 9 — Мурм.).

Среди поздних модификаций диалога Яги с героем в описание перелома в ее поведении (да и в сами реплики) могут включаться элементы, указывающие на раскаяние и даже самоуничтожение Яги: «Потом сама себя по щеки ударила, по другой приправила: „Ох, я, старая плеха, не накормила, не напоила, стала вести выпрашивать“» (Б., 59, 1, 43, 57, 88 — Мурм.).

Очевидно, что из диалогов можно извлечь практически всю основную информацию по функциям Бабы-Яги-помощницы:

1) она *проводит проверку готовности* героя (от нее зависит и проведение его на первую ступень посвящения — приобщение, первичная адаптация в мире «чужом»);

2) она *помогает герою/героине в выборе правильного пути*, «*натрафляет*», *снаряжает и отправляет в дорогу*, которая должна привести к цели или к другому помощнику;

3) она *дает герою дельные советы*, учит его, *наставляет*, «крепко-накрепко наказывает», что ему/ей нужно делать в тех или иных ситуациях;

4) *задерживает преследователей, останавливает* или *сбивает с пути погоню* и т. д.

Цель героя/героини

Для дальнейшего развития отношений между Ягой-помощницей и героем/героиней чрезвычайно важна цель, то, ради чего герой/героиня отправляется в путь, и в помощи достижения которой состоит главная задача Яги. Такой целью, как показывают тексты, становятся:

1) *поиски суженой/суженого*

а) герой идет за утраченной (похищенной, сбежавшей) или обещанной (назначенной) невестой/женой: (Б., 57, 65; Крг., 7 — Мурм.; Нкф., 51, 66; Крн., 46 — Арх.; ВС, 11; Смр., 26 — Волог.; КС, 9; Раз., 12 — Олон.); «...<иду> туда, где живет Белая Лебедь Захарьевна» (Аф., 174 — Арх.); «...качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту» (Аф., 157 — Арх.); «...знаешь ли, бабушка, где живет Царь-девица?» (КС, 7 — Олон.); «...я пошел свою Марью-царевну розыскивать» (Сок., 55; Смр., 35 — Волог.); «...женил меня дедушка на девушки, и она меня оманула, улетела. Дак вот... я иду отыскивать» (Нкф., 86 — Арх.) — 16 текстов;

б) героиня ищет пропавшего (отнятого) жениха/мужа: «Был у меня, бабуса, Финист ясен сокол, цветные пёрышки; сёстры мои ему зло сделали. Ищу теперь Финиста ясна сокола» (Г., 16; Аф., 235 — Волог.); «Иду я, баушка, мужа

искать» (Б., 1, 33, 59, 88 — Мурм.); «Я вот иду Рака Раковича искать» (Раз., 67) — 7 текстов;

2) *поиски родни*

а) брат ищет сестру: «А я царский сын, иду сестру искать» (Б., 7, 65 — Мурм.; Онч., 167 — Арх.) — 3 текста;

б) сын ищет мать (Крн., 14; Нкф., 131 — Арх.) — 2 текста;

3) *выполнение родительской (царской) воли (поручения) или сыновьего долга*

а) герой отправляется на добывание живой и мертвой воды: «...поехал я живую воду и мертвую... искать» (Онч., 8 — Арх.) и/или молодильных яблок (Аф., 128, 174, 175, 178; Смр., 1; Крн., 46; Нкф., 51 — Арх.; Б., 27, 43; Крг., 10 — Мурм.; КС, 7; Раз., 35 — Олон.) — 12 текстов;

б) герой «отсулен» отцом сверхъестественному существу и отправляется выполнять долг: «...меня отец отсулил черту или кому, сюда привел...» (Нкф., 41, 49 — Арх.; Сок., 66 — Волог.); «...еду на ваши горы узнать, что за стук стучит и гром гремит?» (Аф., 178 — Арх.); «Я к Царю морскому, страху людскому пошел» (Сим., 11 — Арх.) — 5 текстов.

в) герой выполняет поручение мачехи (Раз., 69) — 1 текст;

4) *поиск/испытывание своей судьбы*

герой/героиня следуют «велению души»: «...как увидал <я> надпись на столбе, туда, где живому не быть, уж испытаю што мне будет» (Крг., 9 — Мурм.; Волог., 33 — Волог.; КС, 6 — Олон.); «Да вот пошла, куда меня голова понесет...» (Ржд., 38 — Арх.) — 4 текста.

Ясно, что среди отмеченных целей первые позиции принадлежат поискам своей половины — 23 текста (при этом в некоторых текстах даже отмечается, что такая цель вызывает в Яге особое расположение и готовность помогать: «Старуха сразу смягчилась...: „Все тебе скажу!“» (Б., 65, 88 — Мурм.)), а также выполнению родительской (царской) воли (18 текстов) и восстановлению внутрисемейных связей (5 текстов). В комплексе все это можно охарактеризовать как обретение или восстановление целостности семейного и/или родового порядка. Другое целеположение является в конечном счете различной формой посвящения героя/героини, способом прохождения индивидуальной инициации.

Время начала действия

Время, на которое Баба-Яга-помощница оставляет у себя героя, обычно составляет сутки (например: Крг., 9, 10 — Мурм.) — природный законченный цикл, заключающий в себе основные жизненные позиции: утро = рождение, день = расцвет жизненных сил и ночь = смерть, но с заложенным в основе непременным возрождением (ср. с загадкой: «К вечеру умирает, поутру оживает», отгадка на которую — «день»). Или герой остается на одну ночь, причем нередко он сам определяет время своего пребывания у Яги: «Мне не век вековать, а одна ночь поцевать» (Крг., 7 — Мурм.).

Наиболее благоприятным временем для начала действия героя в «ином» мире считается, как правило, утро, как оптимальная «стартовая» временная позиция, позволяющая ощущать, а возможно, и контролировать ход времени, отведенного для свершения героем его дел. И здесь определяющим является знание Яги — она будит героя «ранешенько» и отправляет в путь «чуть свет»: «Утро, дитятко, мудро, день прибыточен; утро мудренее вечера...» (КС, 6 — Олон.; Онч., 8; Аф., 157 — Арх.; Б., 27 — Мурм.; Г., 16 — Волог.). Случай, когда точкой отсчета для начала действий героя становится полночь: «А надо тебе ехать в сретину ночь, да ехать на моем коне. Хоть сегодня еще переднюю, а сегодняшнюю ночь переправься...» (Сок., 139 — Волог.), на наш взгляд, лишь усиливают чувство прохождения героем сакральной пространственно-временной границы.

Атрибуты

Из текстов очевидным становится не только вещее знание, «видение», которым обладает сама Яга, но и то, что она вскрывает собственное потенциальное знание героя, указывает ему на него: «Вижу я тебя, молодец, куда ты идешь, ну, больше выпрашивать не буду, не прошел бы ты сюда, кабы не было у тебя тех вещей, которые ты несешь. Ты сам знаешь все наперед...» (Крг., 9 — Мурм.); «Как же вас не знаю, вас всех, братья я знаю» (Нкф., 131 — Арх.); знает, где «девица царееет, Марья-краса, Долга коса»; где находится «молодовая яблоня, вода жива и мертва» (КС, 6; ср.: Раз., 35 — Олон., Сок., 139 — Волог.), и как испытать ее силу: «Ты налей пузырьки живой воды и мертвой; испытай, которая жива, которая мертва. Разорви вороненка. На правой руке живая вода, а на левой мертвая...» (КС, 6 — Олон.; Онч., 8 — Арх.; Г., 17 — Волог.). Старшая из трех сестер-Ягишен знает и указывает дорогу к жар-птицам, а те — к Царь-девице (ВС, 33 — Волог.); знает все о колдовских приемах противницы героини: «Ты шупай, у его втыкнута сонная булабочка» (Раз., 67 — Олон.); «Какой же у тя, жонка, муж-то был? — ...О, да он у ягой-бабы был овернутой!..» (Б., 1 — Мурм.); знает дорогу к дому Кощея, который «обнесен тыном, на каждой тынинке по человечесей голове, одна тынинка пустая, быть тебе на ней». Знает и о его дочери, Елене Прекрасной, которая хитрей и мудреней всех, и указывает: «Так ты иди к той самой хитрой, с ней и совет держи». Она же дарит платочек — «махнешь — огненная река», в которой и сгорает Кошей (ВС, 11 — Волог.). Старшая Ягишна возвращает память невесте Ивана-царевича, напутствуя героя: «Надо достать яичко, я сделаю яичницу,⁴⁰ она тогда вспомнит про тебя». Царевна приходит, та кормит ее яичницей и возвращает Ивану-царевичу (Раз., 12 — Олон.).

Ведьмовская природа Яги, ее способность *оборачивать* и *оборачиваться*, *магические способности и знания* также прослеживается в диалогах: «...Потом она и говорит: „Слушай, Федя, я тебя оверну котом, ты ей увидишь, а она тебя не узнает. Сейчас же я ей сюда вызову и ты посмотришь, што она за птица”». (Обернула котом, принесла черный порошок, зажгла и пустила по ветру — вызвала царевну) (Крг., 9 — Мурм.; Сок., 55 — Волог.).

Она обращает героя в животных и предметы: конем, яблоней с яблоками, селезнем, обучая деву-чернавку, что делать с останками героя (Сок., 55 — Волог.). Сама она превращается в красавицу («старуха брякнулась о землю — делалась красавицей» — Сок., 55), т. е. в молодую девушку (женщину), что еще раз напоминает об ее целостной вневозрастной, вневременной природе.

Если способ, которым она оборачивает героя в отличие от сказок, где действует Яга-противница, не указывается, то сама она обращается «классическим» образом, т. е. «брякнувшись» о землю.

Яга-старуха, живущая в подземелье, может вернуть героя на землю, т. е. в мир живых: «доставлю, куда тебе надо, выправлю на землю по-настоящему» (Раз., 35 — Олон.). В одной из версий она — хозяйка, которая повелевает тварями всех трех стихий: «На другой день встала старуха..., вышла с Иваном-царевичем на крылечко и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: „Рыбы и гад водяной! Идите сюда”. Тотчас синее море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякий гад, к берегу идет — воду укрывает. Спрашивает старуха: „Где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочь, трех бабок внучка, девяти братьев сестра?” Отвечают все рыбы и гады в один голос: „Видом не видали, слыхом не слыха-

⁴⁰ Яичница — поминальная еда, используемая в семейной и календарной обрядности, связанной с культом предков. Отнятая тоска=память (см. выше) заключена в яйцо. Чтобы вернуть память, надо съесть яичницу. Таким образом, речь идет о памяти другого мира, другой жизни.

ли!” Крикнула старуха по земле: „Собирайся, зверь лесной!” Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает <...> Крикнула старуха по поднебесью: „Собирайся, птица воздушная!” Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: <...> „Больше некого спрашивать!” — говорит старуха, взяла Иван-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю — в окнах свету не стало. — „Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?” — „Ненаглядную Красоту к обедне сряжала”. — „Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича” (Аф., 157 — Арх.; Раз., 35 — Олон.). Таким образом, ей подчиняется и мифическая птица-медиатор, способная перенести героя в иное пространство и время, недоступные обычным земным тварям.

Крылатый конь, одолженный герою Ягой, также обладает знанием пути и другими вещими знаниями: «...вот этот крылатый конь тебя донесет до того места, где тебе надо взять жива вода и молодильные яблоки. А в дальнейшем там тебя конь научит, как дальше делать» (Раз., 35 — Олон.). Конь может обладать и другими способностями: «этот конь — подсказывать, мха, болота перескакивать, реки, озера хвостом заматать. <...> Мой конь через стену и перескочит и в ночное время, и в первом часу ночи» (Сок., 139 — Волог.).

Встречается также сюжет, имеющий очень древнюю основу. Яга наставляет героя: «Ступай вперед. Придет остров с левой руки, остров — с правой, а в середине будет мыс. На этот мыс иди и ожидай, — хоть сутки, хоть двое, хоть трое. Увидашь — пловец с моря страшная, прегрозная лягуха.⁴¹ Припловет она к берегу, выкинет лапы на берег, отворит рот, выпустит из рта желтую пену. Ступай к ней в рот — будешь сяслив» (Тесть солдата — морской царь — дает ему «то, не знай что» — КС, 9 — Олон.). Сходные мотивы встречаются в этнографических материалах, связанных с обрядами инициации и посвящения, и в быличках о передаче колдуном силы и знаний, а также в некоторых сказочных сюжетах, например о Сивке-Бурке, где герой, влезая в одно ухо, вылезая из другого, претерпевает полную трансформацию.

Атрибутами Яги-помощницы являются дары, *магические предметы*, которые она предоставляет герою/героине (например, она владеет волшебной палочкой (Нкф., 51, 66 — Арх. и др.). Дары Яги можно разделить на следующие категории.

1. *Животные или предметы*, на которых можно достичь «*тридевятого царства*» либо вернуться «*на землю*»:

а) конь (Аф., 174, 175 — Арх.; Б., 7, 43; Крг., 10 — Мурм.; Аф., 235; Г., 16, 17 — Волог.; КС, 6, 7 — Олон.); крылатый конь, двукрылатый конь, трехкрылатый конь, четырехкрылатый конь, шестикрылатый конь (Б., 65 — Мурм.; Раз., 35 — Олон.; Спр., 1 — Арх.); конь — «подсказывать, мха, болота перескакивать, реки, озера хвостом заматать» (Сок., 139 — Волог.); Кобылица-Золотица (Крн., 46 — Арх.) — всего 15 текстов;

б) птица: птица-орел (Аф., 128 — Арх.); Моголь-птица (Аф., 157 — Арх.); петух (дает брат (Яги)), на котором Иван-царевич перелетел в царство Елены Прекрасной (Крг., 10 — Мурм.) — 3 текста;

в) лодка: «лодочка», в которой можно попасть к Раку Раковичу (Раз., 67 — Олон.) — 1 текст.

⁴¹ Лягушка (жаба) — нечистое животное, родственное змее и другим гадам, в символике которого особо выделяются мотивы сосания молока и воплощения душ. Некоторые признаки сближают лягушек с рыбами (воплощение душ еще не родившихся детей, холоднокровность). В виде огромной лягушки могут показываться жена водяного и банник, облик жаб могут принимать богинки и «дзивожены», но чаще всего в жабах и лягушках видят обращенных ведьм. Характерным мотивом в представлениях, связанных с лягушкой, является слепота. Убивший лягушку ослепнет (Славянские древности. Т. 3. С. 162—164). См. выше о связи слепоты с «иным» видением и «иным» миром.

2. *Дары, указывающие(открывающие) путь* или помогающие определить момент достижения цели:

а) путеводный клубочек (Б., 7, 27 — Мурм.; Крн., 14 — Арх.; Нкф., 41, 131 — Арх.; Онч., 167 — Олон.; Смр., 35 — Волог.; клубешочек (Сок., 55 — Волог.), клубочек с ниточками (Раз., 12 — Олон.); золотой клубочек (Сок., 66 — Волог.) — 10 текстов;

б) яйцо (Б., 7 — Мурм.) — 1 текст;

в) колечко (Б., 7 — Мурм.) — 1 текст;

г) железная тросточка: «пока тросточка подпирается — ту с ней иди, как в землю упрется — так тебе не вырвать» (Сок., 66 — Волог.) — 1 текст;

д) сера палочка волшебна: «...ты будешь подъезжать к ей, то она будет наводить туман, чтобы не пришел к ей. Ты другим концом палочку повернешь и очудишься у ей за байной»; бела палочка (Нкф., 66 — Арх.) — 1 текст;

ж) амулет, открывающий дорогу в искомое место (пространство): «...дала ему амулет: клади на самый тын, а там увидишь, как зайти и выйти. Пойдешь обратно, не забудь убрать» (Б., 27 — Мурм.) — 1 текст.

3. *Оружие* (оберег) для борьбы с противником героя:

а) палица (Сок., 139 — Волог.); семисотная палица (Аф., 174 — Арх.) — 2 текста;

б) вица: «Теперь я тебе дам вицу, ты ету вицу никому не отдавай, а все в карман пихай. Будет беда тебе, так ты махни этой вицей на праву руку, а пока беды нет, держи в кармане, ей не шевель» (Б., 7 — Мурм.) — 1 текст;

в) оберег, предохраняющий от губительного воздействия «чужой» пищи: «Ету бутылочку сложи в корман и никуды ей не бросай и не давай, а как пойдешь кушать, ету жидкость выпей всю» (Б., 7 — Мурм.) — 1 текст.

4. *Предметы*, способные магическим образом *оборотить* (воронена косточка, щучья косточка, косточка жар-птицы) (Нкф., 86 — Арх.: помогают ему спрятаться от своей жены-чародейки с помощью оборотничества) — 1 текст.

5. *Дары, служащие «узнаванию»* героя, признанию его «своим»:

а) лошадь: «Лошадь здесь оставь, а я тебе свою дам. А потому даю, штобы узнала моя сестра...» (Крг., 10 — Мурм.) — 1 текст;

б) платочек: «Она (сестра) злее меня, может разорвать, ударь ее по щеки этим платочком, и она узнает» (Б., 88 — Мурм.) — 1 текст;

в) «тряпок»: «Они еще ему по тряпку давали, — вот махнешь этим тряпком, и тебя узнает другая-то» (Б., 65 — Мурм.) — 1 текст;

г) записка (письмо, «грамотка») к сестре (брату): «...так, когда она прискочит к тебе, а она злая-презлая, пожалуй, тебя съест, ты приложи ее ко лбу» (Г., 17 — Волог.); «Спеши это письмо подать ей в руки, пока она на тебя не набросилась» (Крг., 9 — Мурм.; ВС, 33 — Волог.); «Становись на колены, положи письмо на голову и ползи к нему рядом, а из рук не подавай, а то он тебя сглохнет» (Крг., 10 — Мурм.); «...она знала всех своих сестер и написала ему сорок без двух грамоток» (Смр., 26 — Волог.) — 5 текстов;

д) лепешка: «Дам тебе лепешку эту. — Есть там средня сестра живет, и она научит тебя, как достать, и ты этой лепешкой ей по лицу хвосьни. Она узнает, что от сестры подарок» (Нкф., 86 — Арх.) — 1 текст.

6. *Магические предметы*, помогающие задержать преследователей:

а) щетка: «Станут тебя состигать, ты брось щетку и проговори трижды: „Стань, щача, от земли до неба, чтобы конному проезда, пешему прохода и птице пролета не было!“» (Аф., 175 — Арх.) — 1 текст;

б) камень (Аф., 175 — Арх.); ср.: «Станьте горы высоки, чтоб ни пройти, ни проехать, ни умом подумать» (Раз., 35 — Олон.); «...камень, возьми с собой. Если что будет — его достанешь. — Пойдешь обратно, тебе беда случится — брось ты этот камень назад себя и скажи: „Станьте, леса дремучие, от земли до неба, от востока до запада, чтобы этой ягой-бабы ни пройти, ни проехать“» (Б., 33, 59 — Мурм.) — 4 текста;

в) гребень (Нкф., 66 — Арх.); «Станьте, леса дремучие от земли и до неба, чтоб ни пройти, ни проехать» (Раз., 35 — Олон.); «Мало ли, какая беда будет — брось этот гребень назад себя, скажи: „Разлейся, река огненная, от земли до неба, от востока до запада, чтобы этой ягой-бабы ни пройти, ни проехать!“» (Б., 33 — Мурм.) — 3 текста;

г) платочек: «Махнешь — огненная река» (ВС, 11 — Волог.); «Поезжай к огненной реке. На плоток — маши, тебя жгать не будет» (Крн., 46 — Арх.); «...этим платком махни, скажи: „Стань, река огненная с конца в конец, чтоб ни пройти, ни проехать, ни умом подумать!“» (Раз., 35 — Олон.) — 3 текста;

д) «пилотка»: «Как тебе беда случится, брось пилотку назад себя и скажи: „Станьте, горы каменные, от земли до неба, от востока до запада, чтобы этой ягой-бабы ни пройти, ни проехать!“» (Б., 33 — Мурм.; Аф., 175 — Арх.: «плотчадка»; Б., 59 — Мурм.: «плоточка») — 3 текста;

е) огнивец (река огненная) (Б., 59 — Мурм.) — 1 текст;

ж) палочка: «...один конец серой, другой черной»: «если стретится тебе препятствие, то серым концом ударь, и все исчезнет. А если оборона тебе нужна, то черным концом о землю ударь и скажи, чтобы были горы или лес огромный, то и будет» (Нкф., 51 — Арх.) — 1 текст.

7. *Предметы*, служащие «приманкой» для противника героя (чаще — героини) или стражей места:

а) «золотой молоточек да десять бриллиантовых гвоздиков», «золотое блюдечко с бриллиантовым шариком» (Аф., 235; Г., 16 — Волог.) — 2 текста;

б) золотая тарелочка, «золотая вещь, чашечка», золотой коврик (Б., 88 — Мурм.) — 1 текст;

в) «платок вышивать уголок»; клубок шелку (Раз., 67 — Олон.) — 1 текст;

г) цепочка золотая, перстень, крест: «...крест, да цепочку, да перстень и пойдешь к нему, и побренчи, и говори: „Иван-царевич, встань-пробудись...“. А как он станет шевелиться — и ты отходи от него» (Б., 59 — Мурм.) — 1 текст;

д) скатеретка-хлебосолка (Б., 1 — Мурм.); скатереточка (Крн., 14 — Арх.); скатертка-самолетка (для продажи) (Смр., 35 — Волог.) — 3 текста;

е) ложечка, кружечка (Крн., 14 — Арх.) — 1 текст;

ж) меч-складенец (для продажи: Смр., 35 — Волог.) — 1 текст;

з) корыто «белуяровой» пшеницы: «Там вперед есть долина. На долине птицы-жары на дубах сидят. Мимо их птица не пролетывала, молодец не проезживал. ...Там, как доедешь, поставь белуяровой пшеницы корыто. Покамест они клюют, ты можешь проехать» (ВС, 33 — Волог.) — 1 текст;

и) два куса мяса для львов-стражей (Нкф., 86 — Арх.) — 1 текст.

8. *Предметы*, предназначенные для «вспоминания» или пробуждения утраченной жены (мужа): цепочка золотая, перстень, крест, яичница (Б., 59 — Мурм.); «Надо достать яичко, я сделаю яичницу, она тогда вспомнит про тебя» (Раз., 12 — Олон.) — 2 текста.

9. *Дар-награда* за хорошо либо плохо выполненное поручение:

а) моток, золото, серебро: «Она ей моток отдала. Много ей всего надавала Егибова — и золота, и серебра, всего, и хлебов на дорогу» (Нкф., 63 — Арх.; Ржд., 38 — Арх.; Раз., 69 — Олон.) — 3 текста;

б) уголья (Нкф., 63 — Арх.); сундучок с жабами (Ржд., 38 — Арх.); сумка, а в ней камень да кирпичи (Раз., 69 — Олон.) — 3 текста.

10. *Совет* герою/героине в достижении их цели (Аф., 128, 174, 175; Крн., 46 — Арх.; Б., 1, 7, 27, 59; Крг., 7 — Мурм.; Аф., 235; Г., 17 — Волог.) — 11 текстов.

Некоторые из даров могут даваться только герою (предметы для оборотничества) или только героине, так как задачи Яги, как указывалось выше, по отношению к герою — одни, к героине — другие.

В случае преследования героя либо героини Баба-Яга задерживает девицу-преследовательницу (Б., 43 — Мурм.) мытьем в бане (Б., 65 — Мурм.), рас-

катывая избушку, поя чаем, намеренно медленно поднося ей воду напиться (Крг., 10 — Мурм.).

При этом и герой стремится не остаться в долгу перед Бабой-Ягой, что является, скорее всего, поздним мотивом, хотя договорные отношения по принципу «ты — мне, я — тебе» известны по мифологическим рассказам (быличкам) об отношениях человека и духов-«хозяев». В награду за помощь герой обещает Яге потом заплатить ей: «...приезжает он к той самой старухе <...> увидал своего коня <...> и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить!» (Аф., 157 — Арх.); «Сделай мне такую милость, я тебя, бабушка, подмоложу и будешь молодая, и как следует направилю тебе жизнь» (Раз., 35 — Олон.); «А ну, бабушка, как мне сделать, помоги! я потом тебе расплачусь» (Нкф., 51 — Арх.); «...эту бабушку-задворенку тоже к себе прибрали, что помогла им жисть обратно вернуть» (Б., 88 — Мурм.) и т. п.

Только в одном из рассмотренных текстов в качестве атрибутики к образу Яги добавляется спутник — «большой, большой кот»⁴² (Нкф., 63 — Арх.).

Как очевидно следует из рассмотренного материала, характер атрибутики Яги-помощницы намного сложнее и многообразнее, нежели у Яги-противницы, у которой из колдовских атрибутов мы встречаем только пест в качестве магического жезла.

Ипостаси Бабы-Яги и ее отношения с другими сказочными персонажами

В большинстве случаев Баба-Яга-помощница вступает в непосредственное взаимодействие только с теми персонажами, которые сами к ней приходят. Нередко, как указывалось выше, героя/героиню, прошедших проверку, Яга воспринимает как своих родственников.

Родственные связи Яги-помощницы многообразны. Обычно родных сестер-Ягишен трое, но в одном тексте оказывается 40 (число, тесно связанное в народной традиции с обрядами перехода), хотя активное участие в развитии сюжета традиционно принимают только три (Смр., 26 — Арх.). Родственниками Яги оказываются:

Царь Морской, страх людской (людоед) — *отец* Яги (Сим., 11 — Арх.);

водяной царь — *старший брат*; владелец петуха, на котором Иван-царевич перелетает в царство Елены Прекрасной, «старик у стены, два раза загнулсе, большой он был» (людоед) (Б., 59 — Мурм.); лежащий «старик большой-пребольшой. Голова в большом углу, ноги в подпороге», владелец Ногуй-тетушки птицы, которая выносит героя на белый свет (Б., 43 — Мурм.) — *брат Ягишен*; Самсон⁴³ (Крг., 10 — Мурм.); сам Сатана⁴⁴ (Сок., 66 — Волог.) — *брат родной Яги*;

большая-пребольшая старуха («на печи старуха лежит большая-пребольшая») (Б., 43) — *невестка Яги*;

герой (Крг., 10); трое женатых сыновей «большого-пребольшого» старика и «большой-пребольшой» старухи (Б., 43 — Мурм.) — *племянники Яги*;

⁴² Чаше всего нечистая сила предстает в облике черной кошки. Распространены поверья об обращении ведьмы в кошку. У вост. славян (особенно у рус. и укр.) нередки рассказы об обращении в кошку домового. (В сказке возникает фигура кота, видимо, именно по принципу дополнения к безмужнему образу Яги).

⁴³ Использование здесь имени героя ветхозаветных преданий и народного богатырского эпоса (Самсон Колыбанович в былинах), видимо, обусловлено желанием рассказчика подчеркнуть необыкновенную физическую силу указанного персонажа (ср. племянниц-богатырок).

⁴⁴ Характерно, что братом Яги оказывается именно Сатана, как «темная» ипостась Бога, связанная с земным, смертным началом, а не какой-нибудь злой дух рангом пониже (например, черт). Хотя, как и Самсон, этот образ, скорее, относится не к традиции, а к личному творчеству рассказчика, так как оба встречаются только в единичных текстах.

Царь-девица, всем полкам богатырица (Б., 65 — Мурм.); Марья-царевна, которая «из окошечка в окошечко» с ней живет (Сок., 55 — Волог.); племянница, у которой «тоска отнята,⁴⁵ в яйце положена...» (Б., 57 — Мурм.; Раз., 12 — Олон.); 12 дочерей водяного царя, из которых Мария, младшая дочь, — чародейка (Нкф., 41, ср.: Нкф., 49; Сим., 11 — Арх.); самая сильная богатырка (Сок., 139 — Волог.), и др. — *племянница(ы)* Яги;

скакуши да лягуши.⁴⁶ «У меня семеро детей да семь сыновей» (Раз., 69 — Олон.; Нкф., 63; Ржд., 38 — Арх.) — *дети* Яги (данный мотив встречается только в сюжете АА 480 А).

Кроме родных сестер-ягишен в близких отношениях с Ягой находятся:

невеста героя, царевна, которая «туда раз в месяц ходит» поискать вшей в голове⁴⁷ у Яги (Б., 1 — Мурм.; ср. Спр., 35 — Арх.) (мотив, хорошо известный по мифологическим рассказам) (Раз., 12 — Олон.);

царевна-колдунья, которую она просит не губить молодца: «...ну уж мимо царевны никто не может пройти. Твоя голова, шытай, сотенная идет, она 99 убила» (Крг., 9 — Мурм.).

Родно Яги-помощницы характеризуют такие проявления, как людоедство в роду не только по женской, но и по мужской линии, родственная связь с водной, т. е. хтонической, змеиной стихией (водяной царь — отец либо брат), связь через родню с подземным, «иным» миром (брат, у которого «выкопаны глаза», невестка, дети-«скакуши и лягуши»), связь с женским воинствующим, либо колдовским, вещим началом (племянницы — богатырки, волшебницы, чародейки, колдуны), что генетически и функционально сближает ее с Ягой-противницей героя.

Встречаются тексты, в которых Баба-Яга выступает сразу в двух своих ипостасях: дарительницы и *ягой бабы* — противницы. Дарительница помогает справиться с противницей и ее дочерью, сохраняя при этом пассивную позицию советчицы, т. е. не вступая в активное противоборство со своей антагонисткой (Б. 33, 43, 59, 88 — Мурм. и др.). Яга-противница обладает всеми своими обычными атрибутами и, пытаясь устроить судьбу собственной дочери, противоборствует героине, разыскивающей своего суженого.

Во всех этих сюжетах обе ипостаси Яги действуют в уже обозначенных нами для каждой из них рамках, в первую очередь в том, что касается их названий. Но к образу Яги-противницы добавляются некоторые детали. Здесь она традиционно живет у воды, в чистом поле или на горе; функционирует в содружестве со своими дочерьми (у Яги-дарительницы нет дочерей в обычном смысле — только племянники и племянницы, а в качестве детей — пресмыкающиеся и земноводные, что свидетельствует, видимо, о более древних истоках данного образа по сравнению с Ягой-противницей) — одной или тремя, она пытается сжечь (приготовить) на костре невесту героя (людоедство); она обладает характерной атрибутикой — ступой и пестом, но при этом у нее появляются еще и крылья (Б., 33 — Мурм.); крадет детей (40 молодых), которых оборачивает волками (колдовство) (Б., 59 — Мурм.); «выкапывает глаза» у старика и убивает его старуху (Б., 43 — Мурм.); она «жадна на золотые вещи» (Б., 88 — Мурм.); погибает (или ее останавливают) в огне (Б., 33, 59 — Мурм.), убивается, падая с крыши (Б., 88 — Мурм.), ей отворачивают голову (Б., 43 — Мурм.).

⁴⁵ Отнять тоску=отнять память.

⁴⁶ По поверьям, души детей, умерших некрещеными, превращаются в демонов и различного рода хтонических существ, в том числе змей, ящериц, лягушек и т. п.

⁴⁷ Вши в народных представлениях одно из нечистых насекомых, включаемое в число гадов. Хтоническая природа вшей проявляется в их происхождении из пыли, праха, отражается в мотивах смерти, в приметах и обрядах вызывания дождя, в тесной связи вшей со змеями, червями и т. п. У русских внезапное или обильное появление у человека вшей служило предвестием его смерти или какого-либо несчастья в семье. Если на покойнике (на лбу, лице, теле) появится вошь — значит, он был колдуном или ведьмой (Ровен.) (Славянские древности. Т. 1. С. 447—448).

Что касается Бабы-Яги-помощницы, то в целом анализ образа в севернорусских сказках показывает его неоднозначность и несомненное родство с образом Яги-противницы. Им присущи такие общие черты и функции, как *людоедство*, *испытывание* героя различными способами, *ведьмовская* природа (способность оборачивать и оборачиваться, но прежде всего вешее знание, владение «высокой» и бытовой магией и т. д.). Функции помощницы сводятся к *наставничеству*, *указанию дороги* и *предоставлению средств* герою для достижения цели, причем одним из решающих факторов служит сама цель героя (героини). Здесь Яга явно сочувствует и покровительствует браку героя/героини, инициирует героя и служит посредником для связи его с «иномирьем», с другими персонажами (Царем морским, Кошчем, своими племянницами-богатырями и чародейками, ягишнами-противницами и т. д.).

ВЫВОДЫ

В заключение мы считаем нужным еще раз обратить внимание на то, что текстологический анализ образа Бабы-Яги проводился нами на сказочных текстах четырех областей Русского Севера (Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Мурманской). Такие, несколько суженные для выявления региональной специфики, границы оформились в результате сложившегося набора источников текстов — были взяты наиболее известные сборники севернорусских сказок (Н. Е. Ончукова, А. Н. Афанасьева, М. М. Коргуева, А. И. Никифорова и др.).

Анализ также проводился на сравнительно небольшом для полного и всестороннего раскрытия характеристик образа текстовом материале — было отобрано около 100 сказочных текстов на различные сюжеты, поровну на каждый из двух рассматривавшихся модусов. Однако, и это важно подчеркнуть, отбор происходил фактически по правилам сплошной выборки, т. е. принимались все тексты, в которых Баба-Яга являлась обязательным действующим персонажем, и отбраковывались лишь такие, в которых, например, сам образ просматривался, но наименование его Ягой (или производными от этого имени) отсутствовало.

Отчасти объем рабочего материала был сжат намеренно в соответствии с возможностями статьи. Отчасти мы следовали требованиям самого материала: все выдвинутые нами положения делались на основании текстов, как и получаемые в ходе анализа выводы, — текстуальное подтверждение неизбежно предполагает немалый объем, даже если задействованные иллюстрации максимальны и урезаются.

В начале работы мы оговаривали тот факт, что для удобства проведения анализа последовали условному делению образа, предложенному Н. В. Новиковым, на два основных модуса: Ягу-противницу (отрицательный персонаж) и Ягу-помощницу героя (персонаж положительный), хотя должны признать, что ближе нам позиция В. Я. Проппа, который не делил образ, но воспринимал его как цельный, вычленив в нем три взаимосвязанные составляющие этого единства: Ягу-дарительницу и помощницу (как наиболее древнюю базовую модальность), Ягу-воительницу и Ягу-похитительницу. Заметим также, что три упомянутые составляющие находятся в полном соответствии с принятой в западноевропейской фольклористике трактовкой образа Великой Богини, сомнений же в глубокой древности и мифологических корнях сказочного образа Бабы-Яги нет (а на общий индоевропейский праисточник европейских сказок указывал в своих изысканиях еще Я. Гримм).

Но вернемся к позиции В. Я. Проппа: проведенный анализ текстов в целом позволяет подтвердить ее правомерность и в отношении сказок Русского Севера и рассматривать Ягу-помощницу и Ягу-противницу как две половинки единого целого. Об этом свидетельствует и блок сказок (к сожалению, в работе

этот блок был рассмотрен в недостаточной мере), в котором во взаимном противостоянии представлены оба модуса Бабы-Яги.

Тексты дают возможность определить, какой из этих модусов наиболее активно задействован в той или иной области Русского Севера: Яга-противница героя/героини наиболее часто функционирует в сказочных текстах Архангельской обл. (23) и бывшей Олонецкой губ. (13); в Вологодской традиции этот персонаж встретился в 9 текстах, а в Мурманской — в 4. Тексты с Ягой-помощницей дают несколько иную картину, и само их распределение по областям выглядит более равномерным: Архангельская обл. — 17, Мурманская — 12, Вологодская — 11, Олонецкая — 8.

То, что каждый из модусов обладает собственной спецификой, было заявлено уже в самом названии данной пары, в их изначальной противопоставленности (помощник (+)/противник (-)), заданной в работе Н. В. Новикова. Последующее дробление (по Н. В. Новикову) каждого из модусов на типы: Яга-противница — 6 типов, Яга-помощница — 2 типа (советчица и дарительница в их взаимосвязи), также было принято нами как данность. Однако полученные в результате анализа характеристики образа по каждому модусу демонстрируют существенные расхождения (затрагивающие функции, атрибутику, связи с другими персонажами и проч.) с упомянутым принятым членением на типы, что безусловно подтверждает наличие региональной севернорусской специфики.

При рассмотрении взаимодействия Яги — отрицательного персонажа (антагонистки и вредительницы) с другими сказочными персонажами становится очевидно, что, например, тип (по Н. В. Новикову) Яги-мстительницы в рассматривавшихся текстах полностью отсутствует, а тип Яги-царской повитухи, выделения которого требует материал, отсутствует среди новиковских типов. Не выделен у Н. В. Новикова и востребованный, если судить по текстам, тип Яги-сверхъестественного злого существа. Новиковские типы Яги-злой чаровницы и Яги-коварной доброжелательницы даже при смешении не покрывают полностью функционально-семантических характеристик Яги-обманщицы, коварной советчицы, разлучницы и ведьмы, а также Яги-злой мачехи (колдуньи). И только 3 типа по Н. В. Новикову — Яга-похитительница детей, Яга-воительница и Яга-обладательница чудесных предметов — практически совпали с тем, что показал текстовый материал.

Обращает на себя внимание и то, что тип Яги-воительницы представлен в текстах слабо (всего 2 текста), и это вызывает некоторое недоумение, поскольку севернорусская сказочная традиция обладает несомненными прочными связями со сказительством (сказочники, как правило, владеют всем арсеналом поэтики былинного эпоса). И мотив людоедства Бабы-Яги проявился в рассмотренном материале довольно односторонне — по всем четырем областям проходит один и тот же традиционный сюжет с похищением детей, причем подается единообразно, без особых дополнений или модификаций. Вместе с удавшимся обманом и побегом маленького героя заканчивается и его «инициация» (взять верх над страшной «проверяющей» — для него главная задача), а с ней заканчивается и сама сказка. Совсем иначе проявляется этот мотив в текстах с Ягой-помощницей: угроза быть съеденным обретает для взрослого героя черты «начальной» проверки — испытания страхом смерти. И когда проверка оказывается пройденной, для героя ничего не заканчивается, а только все начинается. И только с этого момента Яга готова помогать герою и предоставить в его распоряжение свои знания, магические возможности и т. п.

Рассмотренные тексты говорят также о том, что в севернорусской сказочной традиции образ Яги — отрицательного персонажа претерпел существенную трансформацию, утратив почти всю свою сакральность и обретя явные черты бытового мифологического персонажа — ведьмы. Кроме присущих всякой ведьме характерных в народном представлении свойств и бытовых прие-

мов колдовства (способности к оборотничеству, умению оборачивать других и наводить морок, владения различными формами магии: вербальной (заговоры, заклятия и т. д.), контактной (удара, касания и т. п.), парциальной (предметы или части одежды, пища и т. п.) и др.), у севернорусской Яги-противницы героя/героини почти полностью отсутствуют магические черты иного, более высокого порядка. На основании этого, видимо, следует признать утраченными характеристики, которые могли бы свидетельствовать о том, что в этом модусе еще живы черты наиболее древнего типа Яги, позиционирующего ее как стража или хозяйку «иномира», распорядительницу судьбами тех, кто оказался в ее власти, мать всех тварей лесных и т. д. Исключение, на наш взгляд, составляют косвенные свидетельства, такие, например, как именные формы, а также формы названий и обращений к Яге, используемые другими персонажами, и те ипостаси, в которых она себя проявляет.

Именные формы Яги-противницы в основном подтверждают версию о змеиной природе Бабы-Яги и подчеркивают ее соотнесенность со старшей возрастной группой, но используемые по отношению к ней названия и обращения так или иначе указывают (и это представляется нам более важным) на доминирующую надо всем в этом образе женскую природу родовых связей и через это (с привлечением выделенных функциональных характеристик) на статус матриарха — родоначальницы, главы семьи, хозяйки дома и т. д. И хотя в текстах фиксируется явно присущее Бабе-Яге в целом «свободное» обращение с собственными возрастными характеристиками (эта свобода просматривается в отношении обоих модусов и является еще одной из многих существующих «общих» точек, свидетельствующих о цельности образа), но большинство ее ипостасей: вдова, мать взрослых детей, частое исполнение роли повитухи и т. д. — стабильно относит ее к старшей возрастной группе. И для модуса Яги-помощницы и дарительницы на уровне именных форм и наименований, использующихся для обращений, преобладают те же возрастные характеристики (вынесенные в начальную позицию корни *баб-* и *стар-* и т. п.).

В текстах, где Баба-Яга (бабушка-задворенка, старушка и т. д.) действует как положительный персонаж, как раз достаточно активно проступают связи со стихиями (с огнем, водой, ветром), сакральным пространством (лес, река, подземный или небесный мир и т. д.) и временем (в том числе ее собственное состояние вне времени, о котором уже говорилось и которое маркируется свободным изменением собственных возрастных характеристик: то древняя старуха, то девица, то женщина средних лет), что свидетельствует о ее древних мифологических корнях. О том же говорят отличающая ее власть над судьбой героя/героини и развернутые родственные отношения с персонажами, имеющими несомненную мифологическую природу, — с Кошечем Бессмертным, Морским царем и т. п. Таким образом, здесь более четко просматриваются черты «хозяйки вселенной», «охранительницы входа в царство мертвых», «хозяйки животных», которые выделял в свое время В. Я. Пропп. Баба-Яга — мать или, что вернее, все тот же матриарх — старшая в роду по женской линии для всех существ «инога» мира (дети — «скакуши-лягуши», змеи и ящерицы, мыши и т. п.; племянницы-богатырки и волшебницы; сестры-Ягишны и т. д.), она обладает вещим знанием и основанным на нем непререкаемым уважением и авторитетом, распространяющимися и на оказавшихся в ее власти героев.

Если судить по полученным данным, Баба-Яга не является тем, кто проводит инициацию, — герой, как правило, уже «знает», что для начала говорить и как себя вести. Задачи Яги иные: во-первых, она проверяет героя/героиню на готовность («начальная проверка» по Е. М. Мелетинскому) — на обладание необходимым для дальнейших шагов сакральным знанием; во-вторых, в случае удачного результата проверки она предоставляет им помощь (информацию, средства и т. д.) для успешного прохождения дальнейших испытаний. При этом форма общения героя/героини с Бабой-Ягой-помощницей, принятые традици-

онные обращения к ней и к магическим атрибутам, которые ее представляют (избушка, «детки», волшебные слуги и т. п.), как правило, носят устойчивый формульный характер, что, как показывают тексты, в принципе не свойственно сюжетам, где действует Яга-противница.

По результатам анализа видно, что модус Бабы-Яги — помощницы, дарительницы, советчицы гораздо в большей степени соответствует древнейшей составляющей, охарактеризованной В. Я. Проппом в качестве базовых, традиционно отмеченных функций и черт и в соответствующей атрибутике.

Атрибуты Яги (и предметы, и спутники) поддерживают традиционно характеризующие ее оппозиционные стихии — огонь и воду. Затопливаемые Ягой баня и особенно печь, с которой неизменно связывается образ Яги, дополняются такими атрибутами-дарами, как уголья, вызывающие пожар (встречается только в сюжете АА 480 А): Яга дает их в «награду» нерадивой мачехиной дочке; огнивец и платочек, от которых разливается огненная река, преграждающая путь преследователей, и т. д.

В текстах, где функционирует Яга-противница, ее хтоническая змеиная природа явно выявляется по большей части на уровне именных форм и постоянно косвенно подтверждается в ее местонахождении («у воды»): у воды она похищает детей, у воды или на воде занимается колдовством (превращает своих жертв в рыб, водоплавающих птиц, а то и попросту топит) и т. д.; в текстах с Ягой-помощницей хтоника отчетливо прослеживается в родовых связях (отец Яги — Царь морской; старший брат — водяной царь и т. д.), а также в связях с водной стихией (Яга созывает-скликает к себе «всех рыб и гадов водяных», чтоб указали дорогу герою; «страшную, прегрозную лягуху» Яга дает герою для переправы через море и т. д.).

Рассмотренный материал отчасти подтверждает традиционный взгляд на Ягу как на стража пограничного пространства (это главным образом те тексты, в которых представлена Яга-помощница). В текстах с Ягой-противницей пограничное (= переходное) пространство и соотносящееся с ним время оказываются как бы неотделимыми от Яги, она словно становится их носительницей. В таких текстах Яга сама приводит (вводит) героя/героиню в пограничное пространство и делает это в пограничное время, а сам герой находится в лиминальном (т. е. пограничном) состоянии. Чтобы встретиться с Ягой-помощницей, герой/героиня обычно проходит нелегкий путь и встречается с ней на ее территории, в ее пространстве, безоговорочно принимая ее счет времени (за исключением ожидаемой формулы его ответа «сначала напой-накорми [в бане намои], а после выпрашивай...»), ибо Яга знает, что «утро вечера мудренее...».

К сожалению, среди рассмотренных текстов нет таких, в которых прямо указывалась бы причастность Яги к природному времени, в которых она проявляла бы себя его хозяйкой, как например в сказке про Василису, отправленную к Яге за огнем (где три всадника — белый (рассвет), красный (день) и черный (вечер) — «все слуги (Яги) верные!»); или как в пермской сказке про «Ювашку белую рубашку», в которой у двенадцатиглавого Змея-Идолища, брата Яги, по карманам «рассованы» «...красное солнце, белый день, белые луны, частые звезды, глухая полночь».

Материал опровергает привычную трактовку Яги как мертвеца, т. е. слепой, чующей героя исключительно «по запаху», лежащей или пребывающей в неподвижном состоянии в своей избушке (ноги практически не задействованы) и передвигающейся исключительно в/на ступе (полет). Тексты с Ягой-помощницей, т. е. те, в которых есть описание появления героя в жилище Яги, демонстрируют в ее формулах-«приветствиях» активное использование зрения наряду с обонянием. Кроме того, текстов с лежащей Ягой немного, они составляют от общего числа меньшинство (6 из 94); а в большинстве текстов проявляется активность и подвижность Яги: она стоит, ходит, бежит, выскакивает навстречу герою и т. д., естественно пользуясь при этом своими ногами.

Можно констатировать, что в севернорусской сказочной традиции сложился специфический, в немалой степени отличающийся от устоявшейся принятой трактовки образ Бабы-Яги. С одной стороны, он сохранил больше черт, свидетельствующих о его древних мифологических корнях, чем это считалось, с другой — явно демонстрирует результаты демифологизации и иных произошедших с ним изменений. Тексты дают подтверждение, что в целом образ Бабы-Яги в севернорусских сказках претерпевал неоднократные трансформации — как под влиянием живучих бытовых верований и представлений, так и в соответствии с меняющимися под давлением христианской морали этическими нормами.

Подчеркнем еще раз, что сделанные выводы отражают прежде всего узкую региональную специфику, но тем более уместным представляется сопоставление полученных в настоящей статье данных с теми, что сформировали традиционное устоявшееся восприятие образа, а также с теми, которые сложились и сохраняются в текстах южнорусской и других традиций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 1—3.
- Б. — Сказки Терского Берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.
- ВС — Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц, Н. И. Савушкина. Вологда, 1955.
- Гура — Сказки. Песни. Частушки / Под ред. В. В. Гура. [Вологда], 1965. Отд. «Сказки». С. 213 — 281.
- КС — Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, статья, коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.
- Крн. — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауковой. Л., 1934.
- Крг. — Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1.
- Нкф. — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.
- Онч. — Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.
- Раз. — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. Г. Сенькина; Ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск, 1974.
- Ржд. — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Зап. текстов, вступ. ст., коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941.
- Сим. — Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975.
- Сок. — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
- Смр. — Сборник великорусских сказок Архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1—2.
- Худ. — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. М., 1860—1862. Вып. 1—3.